

БЕЛЫЙ

КОНАН И СПАШЕНИЕ ВЛО

- [Кристина Стайл, Патриция Селайнен](#)

○

Кристина Стайл, Патриция Селайнен

Спящее зло

(Конан — 55)

Первые лучи ласкового утреннего солнца пробежали по лицу юноши, который, казалось, спал крепким сном. Он тут же открыл глаза, потянулся и, еще не понимая толком, что произошло, уставился на мешок, заменивший ему подушку; потом медленно провел рукой по щеке. Вода! Он резко рванул завязки. Так и есть! Вчера после длинного дневного перехода он завалился спать, не проверив, прочно ли заткнута фляжка с водой, и вот поплатился за свое легкомыслие: теперь на самом дне сосуда плескались скучные остатки влаги.

Вокруг, насколько хватал глаз, простиралась бескрайняя степь. День обещал быть жарким и безветренным, путь предстоял неблизкий, а пополнить запасы воды негде. Юноша ненадолго задумался, затем расправил широкие плечи, еще раз с хрустом потянулся и махнул рукой. Он был полон сил, привык полагаться только на себя и верил в удачу. Боги уже не раз посыпали ему жесточайшие испытания, и до сих пор он выигрывал все поединки с судьбой. Варвар, сын суровой Киммерии, быстро учился извлекать уроки из всего, что случалось с ним.

Недолгое время минуло с той поры, как ему, невольнику, пришлось сражаться на гладиаторской арене Халоги; там, в гиперборейской столице, он овладел воинским искусством. Затем бежал и добыл меч в схватке с мумией в заброшенном склепе, и теперь ни на миг не расставался с ним. Покосившись на свое оружие, он ласково погладил ножны из шероховатой кожи ядовитой рептилии, с которой расправился недавно в отчаянном поединке. То был подарок друга, жреца Сенгха, из Суддах-Облата, монастыря воинов, погибшего от руки подлого убийцы. В обители киммерийца обучили сражаться на палках и шестах. Эти навыки не раз потом спасали ему жизнь; его не смогли одолеть ни Нэг Ужасный со своими слугами-зомби, ни колдун Катамай Рей, ни ведьма Чунта.

Память о тех приключениях заставила вспыхнуть глаза киммерийца. Он, одержавший столько блестательных побед, не побоится бросить вызов степи! И ничто не остановит его на дороге к цели! Целью был Шадизар — город воров, шумных базаров и доступных женщин, — манивший его сказочным своим великолепием. Кром! Он непременно доберется туда! И стоило ли думать сейчас о грозившей ему жажде? Он и не думал; наскоро перекусил сухарями да вяленым мясом, а потом затянул тощий дорожный мешок, поправил пояс с ножнами и решительно тронулся в путь.

Солнце уже поднялось довольно высоко, и его лучи нещадно жгли кожу; пот ручейками бежал по лицу, плечам, спине. Длинные черные волосы юноши спутались и намокли, и их жесткие пряди лезли в глаза. Киммериец остановился; вокруг простиралась степь, сухая, однообразная, негостеприимная. Путник достал фляжку, тяжело вздохнул и опрокинул в пересохшее горло остатки воды. Несколько теплых капель не принесли облегчения. Пробурчав под нос проклятие, юноша бросил опустевший сосуд обратно в мешок, все еще

надеясь заполнить его водой. Устраивать привал он не захотел и снова зашагал навстречу безрадостному горизонту.

Первый день без воды подошел к концу. Пора было устраиваться на ночлег, даже его молодое и сильное тело нуждалось в отдыхе. Ночь принесла прохладу, и надежда на то, что рано или поздно эта огненная пытка закончится, возродилась снова.

Спал юный варвар плохо, несколько раз пробуждался, облизывая сухие губы, потом усилием воли заставлял себя не думать о воде и опять забывался неглубоким беспокойным сном. В очередной раз его разбудил какой-то едва уловимый шорох. С трудом раскрыв воспаленные глаза, юноша тут же схватился за меч: из серой предрассветной мглы на него уставились две красные точки. Путник замер, выжидая. Неведомая тварь — то ли крупный волк, то ли пантера — рыкнула, потом медленно, словно нехотя, удалилась.

Приближался рассвет, солнце уже окрасило восточный небосклон в нежно-розовые тона. Пора было отправляться в дорогу, чтобы успеть пройти как можно больше, пока ноги еще слушались хозяина, а руки держали оружие.

Сожженная солнцем степь больше походила на пустыню: ни воды, ни деревьев, в тени которых можно хоть немного передохнуть. Будь киммериец не столь силен и упрям, он давно уже отказался бы от мысли продолжить путь; возможно, не стал бы бороться и за жизнь. Но он все шел и шел. Еще один день выторговал он у богов, потом — второй... Когда пошли четвертые сутки, он уже не мог вспомнить, зачем и куда идет, но упорно продолжал двигаться. Глаза безумно болели, в горле так пересохло, что язык не ворочался во рту. Воздух вокруг путника дрожал, напоминая своими волнами потревоженную веслом гладь реки...

— Остановись, путник... Ты молод, ты прекрасен... Иди ко мне, я давно тебя жду...

Ласковый, обволакивающий женский голос заставил юношу вздрогнуть и резко обернуться, отчего в висках сильно запульсировала боль. Совсем рядом, едва ли не на расстоянии древка копья, стояла обнаженная девушка с длинными волосами дымчато-пепельного цвета. Она протягивала к юноше руки, звала в свои объятия. Киммериец тряхнул головой, пытаясь отогнать наваждение, но прекрасная незнакомка не исчезла.

— Что же ты медлишь? Я устала ждать... Иди скорее...

Варвар замер в нерешительности. «Кром! Я схожу с ума! — равнодушно подумал он. — А раз так, то не все ли равно, что со мною будет?» Он совсем было собрался откликнуться на сладкий зов, как глаза прелестницы сверкнули алым светом, на нежных щеках проступила грязная шерсть, точеная фигура расплылась... Девушка опустилась на четвереньки, и гибкие тонкие руки превратились в лапы хищника с огромными изогнутыми когтями.

Вдруг существо зарычало, обнажив белые острые клыки, потом расхохоталось, будто гиена. Этот жуткий хохот одновременно напоминал и визг, и плач, и стон! Перед изумленным юношей стоял голодный хищник с горящими зрачками, который разбудил его недавно на рассвете. Тварь была не очень крупной. Короткое, словно усеченное, туловище опиралось на сильные мускулистые лапы разной длины: задние были заметно короче передних, и поэтому казалось, что зверь всегда готов к прыжке. Выражение слегка вытянутой морды с крошечными глазками, в которых горел голодный огонь, нельзя было назвать ни смышенным, ни доброжелательным. Однако оборотень не бросился на человека; похоже, несмотря на терзавший его голод, он боялся подойти слишком близко.

Будь у киммерийца хоть капля прежней силы, он, не раздумывая, напал бы первым. Однако ноги подкашивались, а меч вдруг стал таким тяжелым, что варвар не смог бы даже вытянуть его из ножен. Юноша постоял немного, а затем, повернувшись к оборотню спиной,

медленно побрел вперед. Ему было все равно, примет ли он смерть от клыков нечистой твари или солнце и жажда доконают его раньше. Хищник поплелся следом. Он не собирался нападать, выжидая, когда человек уже не сможет идти и станет легкой добычей.

Но зверь напрасно надеялся на скорый ужин; упрямству путника мог бы позавидовать сам Кром, грозный бог, владыка Могильных Курганов. У киммерийца была цель, и пока ноги еще хоть как-то несли его, он продолжал идти, не оглядываясь назад. А если б повернул голову, то увидел, что следом плетутся уже несколько хищников. Голодные звери злобно смотрели друг на друга, время от времени обнажая клыки, но дальше глухого ворчания дело не заходило. Видимо, трусоватые твари не решались помериться силой ни с путником, ни друг с другом. Они ждали.

День медленно угасал; солнце уже не палило так нещадно. Стало прохладней, и это придало киммерийцу энергии. Он был все еще жив и вовсе не собирался стать добычей своих голодных преследователей!

Наконец совсем стемнело. С трудом добравшись до ближайшего невысокого кустарника, путник решил прилечь и немного поспать. Он не боялся зверей-оборотней, но храбрость была тут ни при чем — просто им овладело полное безразличие. И если б голодная стая, идущая за ним по пятам, вновь обратилась в самых соблазнительных женщин, юноша даже не посмотрел бы в их сторону. Он думал только об одном — где же тоненький прозрачный ручеек с обжигающе холодной влагой, такой чистой, сладкой, невыразимо прекрасной...

Киммериец медленно опустился на сухую траву, бросил под голову свой мешок и мгновенно заснул. Ему снился чудесный сон: широкая полноводная река плавно текла у его ног, волны плескались около берега...

Наступил пятый день с тех пор, как был выпит последний глоток воды. И хотя природа не поскутилась, создавая могучее тело киммерийца, пытка жаждой неумолимо истощала его. Лицо варвара осунулось, глаза ввалились, молодая упругая кожа стала сухой и дряблой, как будто каждый день странствия через безводную степь стоил ему десятка лет жизни. Но яростный дух не желал смириться с немощью тела и гнал путника все вперед и вперед, через спаленное зноем безжизненное пространство. Он отказывался принять нелепый приговор судьбы, обрекавший его на бесславную гибель. Не для того же Кром раздул в нем искру жизни, чтобы он стал падалью, пищей для стервятников и гиен!

Зрение и слух стали обманывать юношу: то чудились вдалеке голоса людей, то слышался плеск воды, то мерещились зеленые купы деревьев. Вспышки надежды сменялись таким мучительным разочарованием, что как-то, не сдержавшись, путник выхватил меч из ножен и в слепой ярости изрубил чахлый кустарник.

И вот, когда свирепое пламя жизни, казалось, начало гаснуть в изможденном теле, откуда-то издалека пришел зов. Он так властно вторгся в меркнувшее сознание, что юноша вздрогнул всем телом. Непонятно откуда появилась уверенность, крепнувшая с каждым мгновением: если он отклонится к восходу солнца, то вскоре мукам придет конец. Эта мысль заслонила все остальное и повлекла его к неведомой цели. Он как бы потерял власть над собственным телом; ноги сами несли его, повинуясь призыву, звеневшему в голове. Но почему-то необоримая уверенность в избавлении от мук не принесла радостного облегчения, а только странное чувство унылой рабской покорности. Где-то в глубине сознания, куда еще не проник зов, теплилась слабая мысль, что он подобен быку, которого гонят на бойню.

Путник даже не заметил, что хищники, преследовавшие его, отстали. Он не задумывался, куда и зачем так стремится, сколько времени бредет, спотыкаясь, к загадочной

цели, пока чуть не рухнул с кручи вниз, незаметно очутившись на краю обрыва. Он едва не погиб, так как не мог разлепить отяжелевшие воспаленные веки и ковылял, точно слепец. Когда ему удалось открыть глаза, из горла вырвался хрип, жалкая пародия вопля радости.

Перед ним через всю пустынную равнину змеилась глубокая извилистая расщелина. Ее отвесные стены были сложены не из мягких пород, песка или глины, но из выбеленного ветрами и водой прочного камня. Но конечно, не вид голых скал исторг хрип из глотки юноши — он увидел на дне расщелины водоем, который обступили стройные высокие деревья. Сама жизнь била сверкающей голубой струей из толщи камня и низвергалась в каменную же чашу! Жизнь и спасение!

Едва ворочая языком, путник бормотал невнятные слова благодарности Кому и всем Светлым Богам. Но когда схлынули первые волны опьяняющего восторга, киммериец сообразил, что добраться к воде будет не так-то просто. Нельзя сказать, чтобы спуск по отвесной каменной стене пугал юного горца, с детства лазавшего по скалам, неприступным для жителей равнин, но теперь его могучее тело было изнурено жаждой, и он предчувствовал, что еще не скоро сможет припасть к прохладной влаге озерца.

Не полагаясь больше на силу и цепкость рук, варвар стал разматывать длинный пояс, чтобы использовать его вместо веревки. Он окинул взглядом пространство вокруг, соображая, к чему бы прикрепить конец пояса, но на глаза не попадалось ни одного подходящего выступа или камня. Может, вогнать меч поглубже и накинуть петлю на рукоять? Юноша вытащил клинок из ножен и попробовал вонзить лезвие в почву, но, не успев погрузиться в мягкую породу на локоть, сталь наткнулась на неподатливый камень. Впрочем, путник уже отбросил нелепую мысль спускаться вниз безоружным. Кто ведает, что скрывается там, под сенью листвы? Может, огромная дикая кошка, житель степей Заморы, затаилась в ветвях и ждет добычу, гонимую жаждой к воде...

Увы, как ни тяжело было отвести взгляд от воды, киммериец снова обмотал пояс вокруг талии и побрел по краю расщелины, надеясь отыскать более удобное место для спуска. И тут его сознание снова всколыхнуло могучий зов, подавивший волю; как будто невидимая исполинская рука подталкивала его, заставляя не то что идти — бежать! Бежать, когда, казалось бы, последняя капля силы уже испарилась под горячими солнечными лучами!

Этот безумный бег оборвался так же внезапно, как и начался. Путнику вдруг почудилось, что раскаленный воздух перед ним сгустился и приобрел крепость камня; затем грудь его содрогнулась от сильного удара. Юноша рухнул на землю. Какое-то время он лежал без движения, словно душа его, истомленная бесплодной борьбой, отлетела на Серые Равнины. Но вот дрогнули ресницы, хрип сорвался с черных потрескавшихся губ, и путник, пошатываясь, встал. Он подождал, пока уляжется отвратительное головокружение и рассеется пелена, застилавшая взор, потом заставил себя взглянуть вниз. Прямо под ним на выступе скалы раскинуло корявые сучья одинокое дерево, напоминавшее горбатую ведьму со скрюченными пальцами и жесткими зелеными космами. Но киммерийцу оно показалось сказочно прекрасным. Да, прекрасным! Ибо этот уродец, каким-то чудом отвоевавший у каменной тверди право на жизнь, обещал помочь.

Цепляясь за едва заметные неровности скалы, варвар добрался до выступа и в изнеможении опустился — точнее, рухнул — на камни у подножия дерева, привалившись спиной к кривому стволу. Прикрыв глаза, он осыпал проклятиями безводные земли Заморы, укравшие у него силу. Еще недавно он шутя одолел бы этот склон и не стал тратить время на передышки, а теперь, после небольшого усилия, появилась мерзкая дрожь в руках и ногах,

сердце колотилось о ребра, рвалось из груди, как дикий зверь из клетки. Из свирепого воина, рожденного на поле битвы, он превратился в развалину. Но проклятым камням не остановить его теперь, когда спасение рядом! Он выиграл схватку с ними, как выиграло ее это чахлое дерево... Юноша похлопал рукой по шершавой коре, как будто благодаря за поддержку нежданно обретенного друга.

Привязав один конец пояса к стволу, киммериец сбросил другой с выступа и глянул вниз: пояс был коротковат, но ничего иного под рукой не имелось. Он проверил крепость узла и, ухватившись за скрученную ткань, начал спускаться вниз, упираясь ногами в камни. Каждое движение отдавалось тягучей болью в истощенных мышцах и со стороны выглядело мучительно медленным и неуклюжим, но юноша понимал, что поспешность дорого обойдется; и потому он заставлял себя выверять каждый жест и не глядеть вниз, чтобы не вернулось головокружение. Только когда в руках оказался свободный конец пояса, юноша бросил беглый взгляд на землю. Благодарение Кому, ее устилали не острые камни, а зеленый травяной ковер! Похоже, костей он не переломает, если прыгнет прямо вниз... Онемевшие пальцы разжались, и тело грузно упало в траву. Киммериец снова погрузился в беспамятство.

Сознание надолго покинуло его. Когда он очнулся, солнце уже не висело над головой, а расщелину заполнял прохладный полумрак. Путник попробовал пошевелить руками и ногами и не почувствовал боли. Кости, слава Светлым Богам, целы! Но когда он попытался приподняться, стало ясно, что спуск отнял у него последние силы. А может, виной тому сумасшедший бег по краю ущелья? Так или иначе, ему не встать! В бессильной яности юноша заскрежетал зубами. Что ж, если он не в силах идти к воде, как подобает человеку, он поползет — подобно червю или змее, порождению Сета!

Киммериец представил, как холодная струя падает на его воспаленную голову, сбегает по лицу, смачивает пересохшие губы, омывает тело, возвращая ему силу... И уже не слабый хрип, а звериный рык прокатился над ущельем. Резким рывком он перевернулся со спины на живот и пополз на шум воды.

Спустя некоторое время, показавшееся путнику вечностью, его запекшиеся губы приникли, наконец, к прозрачной влаге. Однако, сколь ни велико было это счастье, усталость взяла свое, и он забылся сном. Но это забытье было уже не мучительным, а сладким.

Незадолго до рассвета его разбудило острое чувство голода: страдая от жажды, киммериец не мог заставить себя сжевать хотя бы кусочек сухаря или вяленого мяса. Зато теперь припасы будут как нельзя кстати. Он развязал тесемки, запустил руку в мешок и достал из него кусок мяса. С наслаждением перемалывая крепкими зубами еду, еще вчеравшавшую ему отвращение, юноша с интересом озирался вокруг.

Ночной мрак уступил место разгоравшейся заре. Певучая водяная струя, бившая из скалы, падала в каменную чашу, которая, однако, никогда не переполнялась — голубой поток вырывался на свободу, давая начало небольшому ручейку, омывавшему корни деревьев. Таких деревьев киммериец не видел ни в родных горах, ни в сумрачной Гиперборее, ни на равнинах Бритунии. Мощные колонны стволов высоко возносили раскидистые ветви, широкие узорные листья, формой напоминавшие ладонь с растопыренными пальцами, нежностью могли поспорить с кхитайским шелком. Они свободно пропускали свет, и, окажись на месте киммерийца бродячий рифмоплет, готовый за пару медяков воспевать что угодно, он мог бы сравнить ущелье с храмом жизни под зелеными сводами, а родник — с его священным алтарем. Но юношу занимало совсем другое: как пополнить запасы пищи и поскорее

добраться до Шадизара. Какое дело до игры света и теней человеку, уже мысленно запустившему руки в кошели шадизарских богатеев, мечтающему о глотке алого аргосского и ласках пышногрудых красоток со смуглой кожей и смоляными кудрями? Хотя ни цвет вина, ни оттенок кожи не имели особого значения — была бы девка горячей, а напиток — хмельным... Пока же, за неимением аргосского, путник запил скучный завтрак ключевой водой.

Он уже собирался порыскать по ущелью в поисках какой-нибудь дичи, когда вдруг подумал, что неплохо было бы освежиться — это придаст бодрости. То, что вода в каменной чаше была ледяной, никакого его не смущало: ребенком он часто плескался под студеными струями горных источников. На всякий случай юноша внимательно огляделся и напряг слух. Не мелькнет ли тень между стволами, не хрустнет ли ветка? Странное безмолвие, царившее в этом оазисе и нарушаемое только плеском воды, могло бы насторожить киммерийца — даже птичий щебет не оживлял таинственного молчания зеленого храма. Но изобилие воды опьянило его сильней вина. Соки жизни вновь струились и играли в нем, ускоряя ток крови и наливая силой мускулы; и путник, отбросив свойственную ему звериную осторожность, стал беспечным. Его смущали, правда, воспоминания о неведомой силе, что манила и гнала его в ущелье. Однако после недолгих размышлений он заключил, что, возможно, в дело вмешался кто-то из Светлых Богов, сжалившихся над смертным. А что всего вероятнее, решил путник, у него просто помутилось в голове от голода и жажды. Зов померещился ему!

Рассуждая таким образом, юный варвар расстегнул пояс с ножами и положил на траву, подальше от воды, чтобы не долетели брызги, от коих — упаси Кром! — заржавеет его бесценный клинок. Затем на траву полетела одежда, а ее владелец решительно шагнул в ледяную воду и принял плескаться и фыркать с радостным самозабвением сильного молодого животного. Поворачиваясь под кристальной струей так, чтобы вода равномерно обтекала мощное, бугристое мышцами тело, киммериец поймал себя на ощущении, что чьи-то глаза неотрывно следят за ним — но снова не внял предостережению инстинкта. Задрав лицо к небу, он ловил ртом прозрачную струйку, хмелев от свежего вкуса воды, как от вина. Внезапно его чуткий слух уловил шорох.

Юноша обернулся, и глаза его округлились от удивления: шагах в тридцати в дымчатом утреннем полумраке вырисовывался контур гигантского тела длиной в четыре человеческих роста. Эта туша покоялась на четырех массивных ногах; вдоль выпуклого хребта шел двойной гребень из костяных пластин, похожих на наконечники пик. Некрупная по сравнению с телом голова чудища напоминала одновременно рептилию и хищную птицу с огромным, загнутым на конце клювом.

Взор киммерийца скрестился с немигающим гипнотическим взглядом маленьких глаз, как будто подернутых маслянистой пленкой, и на мгновение в его мозгу снова зазвучал парализующий волю зов. Но зря монстр рассчитывал найти в юном путнике легкую добычу, которая, оцепенев от ужаса, будет покорно ждать, чтобы ее употребили в пищу. Это человеческое существо, еще вчера послушное его воле и слепо устремившееся навстречу гибели, сегодня без труда сбросило власть черных чар. Гнев, вскипевший в душе киммерийца, на миг обезоружил хищную тварь и приковал к земле шестипальные лапы с кривыми кинжалами заостренных когтей.

Почувяв замешательство грозного врага, варвар в два прыжка покрыл расстояние, отделявшее его от меча, и стремительным движением выхватил клинок. Но противник, обнаружив удивительное для столь массивной туши проворство, уже подскочил почти

вплотную к человеку и, ударив в его бедро острым клювом, вырвал кусок мяса. Киммериец заревел от боли и, подняв меч двумя руками, обрушил клинок на толстую короткую шею монстра.

Однако панцирь, покрывавший тело этой твари, выдержал удар; затем ее длинный хвост взметнулся и хлестнул юношу по правой руке. Не успел он увернуться в последнее мгновение, сломанная рука уже висела бы безжизненной плетью, а так острые шипы лишь прочертили кровавые борозды на предплечье. Но путник, еще не пришедший в себя, мог сражаться только вполсилы. К тому же деревья, окружавшие источник, лишили его свободы маневра, не давая далеко отпрыгнуть. Он лихорадочно примеривался, куда лучше нанести удар, чтоб разом прикончить проклятое отродье Сета. В глаз? Или в место сочленения груди и шеи, где обвисает мешком и дрожит, как у жабы, морщинистая кожа? Должно же найтись у этой погани хоть одно уязвимое место! Но в то мгновение, когда он уже твердо решил загнать клинок в глаз гадины, она повела себя странно: стала пятиться, оседать к земле, а после и вовсе рухнула набок. Гигантская туша застыла, только лапы и хвост еще конвульсивно подергивались.

Какой бы несокрушимой ни была вера киммерийца в свой ратный талант, он не торопился приписывать себе победу и был изрядно озадачен. Но ему не пришлось долго ломать голову над загадочным поведением монстра, ибо на сцену выступило новое действующее лицо: из-за деревьев появился невысокий сухощавый человек в длинном одеянии с капюшоном.

— Кто ты? — выдохнул варвар, изумленно глядя на незнакомца.

— Чиндара Хон, сын мой, путник из Вендии, ищущий свет знаний на дорогах странствий. А как твое имя, юноша?

— Конан... Конан из Киммерии.

* * *

Чиндара Хон не солгал Конану. Он и правда был странствующим жрецом. Да и обычно вендицы избегали открытой лжи. Однако если бы варвар знал хоть что-нибудь о Вендии, он, наверное, догадался бы, что старик что-то не досказал ему. Не родился еще тот вендиец, который станет выкладывать всю правду о себе первому встречному. Чиндара Хон не просто странствовал по свету. У него была четко определенная цель.

Уже многие годы правителям Турана не давали покоя богатые западные земли Вендии и ее прекрасная столица Айодхья, но великолепно обученная и образцово дисциплинированная вендиjsкая армия была серьезным противником, и поэтому Туран не решался развязывать войну, ибо исход ее мог оказаться не в его пользу. Гораздо заманчивее было попытаться ослабить соседа-соперника, помешать ему развиваться и не допустить, чтобы страна богатела и процветала. И Туран старался вовсю. Торговые караваны из Вендии облагались такими немыслимыми пошлиными, что их владельцы отказались от всяких попыток двигаться на запад через туранские земли, хоть товаров у них было предостаточно. Вендиния славилась своими мастерами. Здесь ткали необычайной красоты шелковые ткани, чудесные яркие, пушистые и мягкие ковры, изготавливали тонкие ажурные изделия из золота и серебра, замечательные украшения из драгоценных камней и самоцветов. Торговля могла бы заполнить казну до отказа, но постепенно продавцов в стране становилось больше, чем

покупателей.

Обеспокоенный правитель Вендии разослал по всему свету многочисленных тайных посланцев, чтобы те разведали новые торговые пути. Одним из них и был благочестивый старец, так вовремя повстречавшийся Конану.

Чиндара Хон сбросил с головы капюшон и пристально посмотрел на юношу темно-карими глазами, в которых светились мудрость и доброта.

— Ты ранен, сын мой. Позволь мне помочь тебе. Я немного смыслю во врачевании. Раны твои не опасны, но ты сейчас слаб и измучен, и они могут причинить тебе немало страданий.

Конан благодарно кивнул.

— Давай устроимся где-нибудь поудобнее, чтобы я подготовил все необходимое, — продолжал старик. — Ты можешь идти?

— Да.

— Тогда не будем терять времени.

— Погоди. Я голоден. Давай разделяем это страшилище. Из него, наверное, мог бы получиться неплохой ужин.

— Я не ем мяса. К тому же монстр не погиб, я только усыпал его. Убеждения не позволяют мне лишать жизни ни одно существо, даже если оно исполнено злобы. Пусть живет. Идем. У меня есть чем накормить тебя.

Конан с трудом сдержался. Он явно был недоволен, но открыто возражать не стал. Ему очень хотелось отдохнуть и набраться сил, а новый знакомый, похоже, помог бы ему в этом. Они тронулись в путь и вскоре обнаружили место, которое оба сочли подходящим для стоянки. Старик порылся в складках своего широкого плаща, извлек откуда-то мешочки с травами, тонкую металлическую чашу и несколько маленьких граненых бутылочек. Всыпав в чашу по щепотке травы из каждого мешочка, он что-то быстро проговорил, добавил по капле жидкости из всех пузырьков, перемешал все это деревянной палочкой, опять что-то пробормотал и повернулся к варвару.

— Все готово. Это прекрасная мазь. Завтра ты и не вспомнишь о своих ранах. Позволь мне смазать их.

Конан охотно согласился. Боль мгновенно утихала, стоило лишь старцу прикоснуться палочкой к ране. Как только все было закончено, юноша вспомнил, что в его желудок уже давно не попадала сколько-нибудь ощущимая еда. Сухари и вяленое мясо не в счет. Словно прочитав его мысли, Чиндара Хон произнес:

— Теперь можно и поесть.

С этими словами он развязал свой мешок и достал оттуда несколько свертков. Ноздри молодого варвара затрепетали, уловив запах копченой рыбы. Он, конечно же, предпочел бы хороший кусок жареного мяса с кровью, но все-таки рыба была намного лучше, чем сухари, успевшие Конану порядком поднадоеть. Вслед за рыбой появились несколько аппетитных лепешек из белой муки, приличный кусок сыра, источавший чудесный аромат, и несколько горстей сушеных фруктов. Юноше казалось, что всего этого ему хватит едва ли на один зуб, но, к собственному глубочайшему удивлению, он довольно быстро насытился.

Наслаждаясь покоем, прохладой и непередаваемым ощущением приятной тяжести в желудке, Конан чувствовал себя если не счастливым, то вполне довольным.

— Давно мне не было так хорошо и спокойно, — сказал он, поворачиваясь к своему спутнику. — Мне вообще редко доводилось отдыхать.

Старец по-доброму улыбнулся и кивнул.

— Так хорошо мне было только дома, — продолжал Конан, удивляясь собственной разговорчивости. Он вообще-то не любил болтать. Вот орудовать мечом — совсем другое дело. — А дома я не был уже давно. И вряд ли скоро буду. Мне было пятнадцать, когда гиперборейцы взяли меня в плен. Если бы не раны, живым бы я не дался. Потом жил в Халоге. Был гладиатором. Бежал. Добыл оружие. — При этих словах старик пристально посмотрел на ножны, но ничего не сказал. — Хороший меч. Даже колдуны перед ним не устояли. Два колдуна. И еще была одна ведьма... Но я с женщинами не дерусь. Даже с такими. — Юноша помолчал немного. — Сейчас иду в Шадизар. Говорят, славный город. Хочу обучиться там ремеслу. Воровскому. Может, и здесь удача будет сопутствовать мне? — Он снова замолчал, задумавшись. Затем, видимо, решил, что и так слишком разговорился, и спросил: — А ты чем занимаешься?

— Брожу по свету. Моя цель — знание. Этому я посвятил всю свою жизнь. Я человек мирный. Моя религия не позволяет мне никого убивать. Потому и мяса не ем. Долгие годы я изучаю всякие премудрости, мне даже доступно Высшее Знание. Конечно, постичь его до конца никому еще не удалось, но я сумел многоного добиться. Я иду из Вендии, и сейчас мой путь лежит на восток, к берегам моря Вилайет. Хочу посмотреть, какие там живут люди. Может, удастся узнать что-нибудь новое. Зачем тебе в Шадизар? Это плохой город. Город воров, разбойников и блудниц. — При последнем слове глаза юноши загорелись, но старец продолжал, словно ничего не заметил: — Лучше направь свои стопы в Вендию.

— Что я там забыл?

— Это прекрасная страна. Она красива и богата, там всегда тепло. Но солнце у нас не злое и беспощадное, как здесь, а доброе и ласковое, оно дает жизнь цветам и деревьям, животным и птицам. Сколько у нас прекрасных птиц! Их яркие перья игрой цветов могут поспорить с самыми роскошными драгоценными камнями, а голоса так сладкозвучны, что хочется слушать их вечно.

— Мне бы это быстро наскучило.

— В Вендии много животных. И милых, добродушных, которых люди охотно держат в домах, и злобных страшных хищников. Наши тигры и пантеры так свирепы, что нужно быть очень храбрым человеком, чтобы осмелиться вступить с ними в поединок. Ты мог бы стать охотником, добывать шкуры диких зверей или ловить слонов и обучать их послушанию. За это платят хорошие деньги.

— Драться с безмозглыми тварями неинтересно.

— Ты мог бы разбогатеть, найти себе девушку по сердцу и обзавестись семьей. Знаешь, какие у нас прекрасные женщины! Они темноволосы и темноглазы. Их фигуры — само совершенство, а когда они танцуют, кажется, что это изгибаются на ветру ослепительно красивые благоуханные цветы...

Эта часть рассказа заинтересовала варвара значительно больше, чем вся предыдущая речь Чиндары Хона, но и тут юноша нашел что возразить:

— Мне еще не хочется думать о семье. Воля заманчивей. А женщины... В Шадизаре их тоже много. Наверное, найдутся и те, кто чудесно танцует и даже поет. Да и жениться на них совсем не обязательно. Они и так доступны. Мне гораздо больше по душе хорошая битва. Да и денег бы неплохо.

— Тогда ты мог бы стать наемником. В Вендии отличная армия. Наши воины смелы и хорошо обучены. Любой военачальник был бы рад командовать таким войском. Ты молод,

храбрости тебе не занимать. Ты мог бы зарабатывать на жизнь оружием. В нашей армии есть и пехота, и кавалерия. Даже боевые слоны. Выбирай, что тебе больше по сердцу, и станешь блестящим воином.

— Ну уж нет! Дисциплина, ты говоришь? Это значит, я уже не могу поступать, как считаю нужным? Довольно! Мною в Халоге достаточно помыкали. Теперь я хочу воли, денег и наслаждений. А уж драк на мой век хватит.

— Погоди. В Вендини много людей, постигших скрытую суть вещей. Ты мог бы обучиться всяким премудростям, тебе открылись бы тайны мира...

— Тайны? Нет уж. Открытый, честный поединок — это дело, а тайн не люблю.

— Но жизнь бродяги полна опасностей и, как правило, коротка. Ты можешь не достичь возраста, с которым мудрость приходит сама.

— Что ты все твердишь о мудрости! — воскликнул Конан, окидывая взглядом невысокого старца. — Я хочу быть сильным, а мудрость сил не прибавляет.

— Не скажи, — Чиндара Хон мягко улыбнулся.

— Что дала она тебе? — насмешливо поинтересовался юноша.

— Смотри, у тебя очень интересные ножны. Хочешь, только положив на них руку, я расскажу тебе, откуда они появились и что за зверь поплатился своей шкурой, чтобы твой меч всегда был укрыт от дождей и ветров?

— Попробуй, — недоверчиво протянул Конан.

— Дай мне их, и увидишь все сам.

Старец положил на колени ножны, протянутые ему Конаном, коснулся их кончиками пальцев и закрыл глаза. Не прошло и мгновения, как мудрец заговорил:

— Чудовище ростом с высокого человека появилось из-за валуна. Оно стояло на задних конечностях, опираясь на длинный хвост. Желтые глаза излучали холод и злобу. Выпяченные губы оно сложило в трубочку, чтобы в любой миг иметь возможность плнуть в противника. Слюна чудища ядовита. Это Стит, кровожадная тварь, очень проворная.

Голос старца звучал глухо и как-то безжизненно, но все, что он говорил, было правдой. Конан поежился. Чиндара открыл глаза, взглянул на юношу несколько рассеянно, будто только что проснулся, и спросил:

— Продолжать? Это, наверное, был трудный бой.

— Нелегкий.

Конан задумался. Жрец молча смотрел на него, не желая прерывать неожиданно нахлынувших воспоминаний юноши. А тот словно снова переживал ту давнюю схватку с ядовитой дрянью, когда Сенгх ловким ударом посоха заставил монстра подавиться собственной слюной и тем самым дал Конану возможность нанести чудищу смертельный удар. Юноша вздрогнул и глубоко вздохнул. Сенгх, верный друг. Жаль, что его уже нет в живых.

— Продолжать? — снова спросил старец.

— Как ты это узнал? Это колдовство?

— Нет. Это всего лишь умение, которое дает Высшее Знание. Как видишь, мудрость тоже обладает какой-то силой. Так надо продолжать?

— Не надо. Дальше все было очень просто. С помощью своего друга, который позже пал от кинжала негодяя, я победил эту гадину. Потом из ее шкуры сделали ножны, и Сенгх подарил их мне.

— А меч? Его тоже подарил тебе друг?

— Нет. Это совсем другая история. Рассказать?

— Позволь мне самому все узнать.

Конан кивнул и протянул своему спутнику клинок.

Меч был слишком тяжел для немощных рук старца, и он положил клинок на колени. Тонкие чуткие пальцы осторожно скользнули вдоль длинного лезвия, словно лаская металл, коснувшись рукоятки. Морщинистые веки опустились, и киммериец подумал, что вендица неожиданно сморил сон, как это часто бывает со старыми людьми. Разглядывая лицо мудреца, непроницаемое и неподвижное, Конан гадал, сколько зим минуло с тех пор, когда лицо это было юным. Он бы нисколько не удивился, узнав, что Чиндара влечит оковы жизни вдвое или втройне, чем отмерено обычному смертному. Вдруг по лицу старика пробежала судорога, затем его исказила гримаса ужаса и отвращения, как будто он коснулся змеи или ядовитого паука. Вендиец отдернул руки от меча, открыл глаза и вперил в варвара мрачный пронзительный взгляд.

— Лучше бы ты оставил этот клинок там, где нашел, на коленях мертвеца... Видно, Светлые Боги спали в тот день, когда ты проник в обитель смерти.

Черные брови Конана сошлись у переносицы, как грозовые тучи.

— Я благодарен тебе, старик, за спасение жизни, хоть ты и помешал мне прикончить гнусную тварь, но не лучше ли тебе идти своей дорогой и не вмешиваться в дела воинов. Этот меч я добыл в честной схватке, и не родился еще тот человек, который отнимет его у меня.

Вендиец досадливо поморщился:

— Язык твой обгоняет ум, а горячность так же безмерна, как и храбрость. Прости, если мои слова обидели тебя, но клинок этот запятнан Злом. Он несет на себе древнее проклятие.

Конан задумался. Обстоятельства, при которых он завладел мечом, были и впрямь необычными. Случилось это во время его побега из Гипербореи, где он был рабом. Когда киммериец, безоружный и полунагой, очутился в лесной чаще на границе с Бритунией, за ним увязалась стая голодных волков. И неизвестно, чем бы все закончилось, не попадись беглецу на глаза нагромождение камней, которые, как оказалось, закрывали вход в склеп. В усыпальнице Конан и нашел оружие. Но прежде чем клинок перешел в руки нового хозяина, варвар выдержал жестокую схватку с ожившим мертвецом, против которого сталь была бессильна — только огонь помог киммерийцу взять верх. Даже теперь при воспоминании об этом юноша поежился. Но потом меч служил ему верой и правдой. О каком же проклятии может идти речь? Или старика пугает один вид оружия? Ведь он без конца толкует о Добре и Зле, о том, что каждая тварь имеет право на жизнь, даже та, что вырвала у него, Конана, кусок мяса из бедра и чуть не отправила в путешествие по Серым Равнинам...

— И ты прости меня за резкие слова, вендиец, — начал юноша уже спокойно, поскольку решил, что нельзя осуждать дряхлого старца за трусоватую осторожность, — но это оружие уже не раз послужило Добру. Меч как меч. Разве что древний.

— Поверь мне, ты носишь беду в своих ножнах. Если меч до сих пор не проявил своих магических свойств, так это лишь оттого, что Зло еще не пробудилось. Оно спит... до поры.

Варвар помрачнел. Как и всякий дикарь, он испытывал суеверный ужас перед колдовством.

— Владелец меча, тот, чей покой ты потревожил, заплатил за него страшную цену и пролил реки крови. — Старик возбужденно размахивал руками.

— Каждый, кто берется за оружие, льет кровь. Я и сам уже пролил ее немало.

— Вижу, словами тебя не проймешь, ибо невежество твое не знает границ. Что ж, придется нарушить запрет и приподнять покрывало Истины перед непосвященным. Подойди ко мне и сядь рядом!

Последние слова пришли не по вкусу киммерийцу. Он заподозрил подвох. Что, если старик погрузит его в мертвый сон, как чудище в ущелье, или превратит в голубя, чтобы он не мог больше убивать? Вон как он разошелся, глаза жгут, будто угли.

— Неужели ты боишься меня, великий воитель из Киммерии? — ехидно спросил старик, словно прочитал его мысли.

Это был открытый вызов, а Конан никогда не уклонялся от схватки, даже если силы неравны. Варвар опустился на землю рядом с вендицем, дерзко сверкнув глазами из-под нахмуренных бровей. Старик усмехнулся и, взяв его за руку, положил ее на рукоять меча, а потом накрыл своей рукой — сухой, тугу обтянутой коричневой кожей, как у мумии.

— Закрой глаза! — сурово приказал он. — Не бойся, ты не уснешь. Да и голубя, сколько ни колдуй, из тебя не получится. Возможно, в будущей жизни душа твоя и будет обитать в птичьем теле, но это будет тело ястреба или орла. — Он улыбнулся, заметив замешательство юноши, и добавил уже серьезно: — Ты должен изгнать все посторонние, суетные мысли, иначе наше путешествие не состоится.

Киммериец закрыл глаза и замер. Упрямый и недоверчивый от природы, он поначалу лениво гадал, сколько дней пути отделяют его еще от заветной цели.

Как только он минует городские ворота и облегчит кошелек какого-нибудь борова, направится прямехонько в ближайшую таверну. И Конан живо вообразил, как зубы его вонзаются в хорошо прожаренную баранью ляжку. Мясо, много мяса, и никакой копченой рыбы, никаких кореньев, Нергал побери их всех! А еще вино, красное и густое, как кровь, немного терпкое, но не кислое. Вино льется в его глотку, а на коленях у него вертится и хихикает смуглняка, пышногрудая, как та добрая деваха, которая преподала ему первые уроки любви...

— Может, хватит мечтать о том, как ты будешь пожирать трупы несчастных животных и лапать непотребных женщин! — Старец прервал радужные мечты Конана. — Клянусь Асурой, иногда я впадаю в искушение обломать палку о спину молодого осла вроде тебя.

Представив, как сухонький старишок, едва доходивший варвару до середины груди, прыгает вокруг него, словно задиристый воробей, и пытается отходить палкой, киммериец расхохотался. Вендиец сначала сердито сверкал глазами, пытаясь придать себе грозный вид, а потом и сам захихикал, как проказливый мальчишка.

— Ох, мудрейший, — простонал Конан, утирая слезы, — а ты, оказывается, и кричать умеешь! Как наскочил на меня, а! Знаешь, тебе тоже не суждено стать голубем в следующей жизни — ты будешь бойцовским петухом.

— Увы, все мы рабы своих слабостей, — вздохнул вендиец, но в глазах его продолжали вспыхивать искры смеха, а губы невольно кривились в улыбке.

— Сознайся, — не отставал варвар, — и ты в молодости был горяч.

— Чего скрывать, порядочный был олух. Упрямый, как буйвол. Наверно, боги что-то напутали. Мне бы родиться в семье воина, а не жреца. У нас судьба человека предопределена: сын идет дорогой отцов и дедов. Еще мальчишкой меня отдали в учение, а я, вместо того чтобы зазубривать священные гимны и прислуживать наставнику, удирал в лес и часами предавался дурацким мечтам: вот я лечу на боевой колеснице, затмевая всех блеском славы, и красавицы тайком вздыхают обо мне. Да мало ли о чем может грезить безмозглый

сопляк... Иногда я даже завидовал обезьянам, которые свободно носятся по лесу, перелетая с дерева на дерево.

— А что было потом?

— Учитель пожаловался отцу.

— И тот вздул тебя хорошенъко?

— Нет, пригрозил, что, если я не возьмусь за ум, отречется от меня и выгонит из дома, так что я стану неприкасаемым и все будут избегать меня, как прокаженного. Однако как ловко ты спутал мои мысли и заставил забыть о главном! Как ни горько мне это сознавать, из тебя выйдет изрядный пройдоха и искусный вор. Если только проклятая сталь не погубит тебя раньше...

— Ну вот, опять ты за свое!

— Эх, сын мой, ты юн и глуп и не видишь опасности, пока она не возникнет перед самым твоим носом. Говорю тебе, Зло спит до поры, но если оно проснется...

— ...Я возьму над ним верх, как уже бывало.

— И зачем только я свернул с дороги и поспешил к тебе на помощь! Почему я помешал дракону избавить мир от заносчивого мальчишки, от этой горы мяса с умом младенца?

— Не потому ли, что ты любопытен не в меру и любишь совать нос в чужие дела? Не помешай ты мне, я бы и сам выпустил кишку из этой ящерицы и освежевал ее. Представь, какой щит можно было сделать из ее каменной шкуры. Ни одна стрела, ни один клинок не пробил бы его!

— Если бы я не вмешался, эта «ящерица» сейчас бы мирно ужинала тем, что осталось от глупого варвара, похрустывая косточками.

— Если бы не ты, я бы сейчас обгладывал ее косточки, вместо того чтобы давиться всякой пакостью, которую ты называешь едой.

Старик презрительно поджал губы, всем своим видом показывая, что не намерен больше опускаться до пререканий с мальчишкой. И Конан почувствовал, что зарвался. Честно говоря вендиец был недалек от истины: он появился как раз вовремя, выручил его, Конана, из беды, врачевал его раны, разделил с ним пищу, а взамен только наслушался дерзостей. Он, конечно, порядком наскучил своими нравоучениями, но старые люди любят надоедать советами, даже когда об этом не просят. Не будет большой беды, если позволить ему поколдовать немного...

— Вот именно, — буркнул вендиец, — беды не будет, если этот назойливый старишка вложит немного ума в твою пустую голову.

Конан вздрогнул: он забыл о том, что Чиндара свободно читает его мысли.

— Скажи, о почтенный старец, а много ли таких искусствников, умеющих влезать в чужой разум, как вор — в чужой кошелек?

— Нет, непочтительный щенок, у тебя хватило бы пальцев на руках, чтобы перечесть их.

— Это славно, а то некому было бы приносить жертвы Белу, покровителю воров и торгашей.

— Так ты готов открыть свой ум для Истины?

— Готов, если ты уверен, что это Истина.

Со снисходительным вздохом, с каким взрослый смиряется с капризами ребенка, Конан лениво смягил веки. Сухие старческие пальцы стиснули его руку, и перед мысленным взором варвара потекли, вытесняя одну другую, картины, то сумеречно тусклые, то ослепительно яркие.

Привиделся ему каменистый берег неласкового северного моря, и длинная узкая ладья,

лежавшая на берегу, и люди в одеждах из звериных шкур, сновавшие возле нее. Одни забивали пазы между темными досками толстыми кожаными шнурями, другие смолили дерево, заменяли изношенные куски обшивки, осматривали длинные весла, чинили парус. Поодаль стоял рыжебородый великан в сапогах с высокими голенищами и кожаных штанах. Мощный торс его прикрывала безрукавка из вывернутой мехом внутрь козьей шкуры, которая оставляла полуобнаженной богатырскую грудь. На крепкой бычьей шее поблескивало ожерелье из золотых самородков, знак власти. К рыжебородому приблизилась статная светловолосая женщина, голову которой украшал золотой обруч. Она робко дотронулась до руки великана и что-то сказала ему. Красивое лицо выражало мольбу и страх. Но рыжебородый даже не повернул головы в ее сторону, только нахмурился. Женщина гневно тряхнула головой, резким движением отбросила на спину тяжелые косы цвета спелой ржи. Теперь красавица говорила горячо, почти кричала. Великан наконец смерил ее тяжелым взглядом и что-то процедил сквозь зубы, коротко и зло. Женщина упала перед ним на колени, обхватила его ноги и продолжала говорить, давясь рыданиями и указывая на трех мальчуганов, которые носились наперегонки с огромными свирепыми псами.

Лицо рыжебородого разгладилось, и он жестом подозвал к себе старшего из мальчиков, а когда тот подбежал, достал из ножен, подвешенных к поясу, нож с широким лезвием и костяной рукояткой и протянул его мальчику. По знаку рыжебородого к нему приблизился угрюмый изможденный человек в лохмотьях, шею которого обхватывал металлический ошейник. Лоб человека был отмечен клеймом. По-видимому, повинувшись приказу господина, человек попробовал бежать, что давалось ему с трудом, потому что мешала тяжелая цепь, которой были скованы ноги. Мальчишка замахнулся и метнул нож в спину бегущему. Лезвие вошло под левую лопатку по самую рукоять. Человек в ошейнике вскинул руки и грузно повалился на землю лицом вниз. Мальчик подбежал к нему, уперся ногой в поверженное тело, рывком вытащил нож, обтер лезвие о штаны и вернулся к рыжебородому. Тот оскалил острые белые зубы в довольной улыбке, потрепал мальчика по волосам цвета меди, как у него самого, и, отцепив от пояса ножны, протянул их ребенку.

Берег растаял, как будто его заволокло клубами тумана, и возникло новое видение. Теперь рыжебородый стоял на носу ладьи, легко рассекавшей зеленоватые ленивые волны. Рука гиганта рассеянно поглаживала искусно вырезанную из дуба голову матерого волка с ощеренной пастью. Волчья голова скалила зубы и на полотнище, которое плескалось на вершине высокой мачты. Ветер надувал парус, сплитый из длинных полотнищ сурового холста. За спиной рыжебородого гребцы дружно налегали на весла. Что бы ни высматривал великан в морских дальях — чужой парус или спину кита, — это не имело ничего общего со зрелищем, открывшимся его взору.

Морская пучина разверзлась, и из глубин вынырнула ромбовидная голова гигантского змея, поблескивая злобными немигающими глазами. Безобразную голову несла покрытая зелено-бурой чешуей колонна тугой плоти. Эта колонна вздымалась все выше и выше, пока почти не сравнялась высотой с мачтой. И тогда обнаружилось, что это не тело змеи, а только шея, хотя толщиной она походила на ствол столетнего дуба. Шея перетекала в огромное туловище с четырьмя плавниками-крыльями и мощным хвостом. О размерах туловища было трудно судить, потому что над водой выступала лишь верхушка спины, на которой топорщился зубчатый костяной гребень. Шею и спину змея покрывал слой густой слизи, где к ней прилипли ракушки и коричневые водоросли. Чудовище разинуло пасть, обнажив длинные кривые клыки — по две дуги острых костяных лезвий на каждой челюсти.

Длинный красный язык вылетел из пасти и также стремительно втянулся обратно. Внезапно гибкая шея изогнулась, и голова монстра полетела вперед со стремительной неотвратимостью камня, выпущенного из пращи. В следующее мгновение в зубах змея уже было и извивалось человеческое тело. Громадные челюсти сомкнулись и положили конец содроганиям жертвы.

Нападение застало людей врасплох. Гребцы повскакивали с деревянных скамей, бросив весла. Еще немного — и они стали бы метаться в слепом ужасе по палубе. Но рыжебородый не позволил им поддаться животному страху. Лицо его побагровело от ярости, и, судя по гримасе, исказившей его, львиный рык прокатился над головами перепуганных людей. Гребцы, сидевшие прежде ближе к борту, покорно ухватились за весла, а те, кто греб с ними в паре, бросились в трюм, видимо за оружием. На их счастье, чудовище не спешило повторить нападение, то ли оттого, что было уверено в полной беззащитности врага, то ли потому, что слегка утолило голод. Когда люди, вооруженные мечами и копьями, выскочили на палубу, змей все еще лениво следил своими маслянистыми желтыми глазами за суетой жалких беспомощных тварей. По взмаху руки рыжебородого сразу с десяток копий взлетели в воздух, и бурая чешуйчатая колонна ощетинилась металлическими иглами. Страшный рев разодрал пасть чудовища. Оно мотало головой и крутило шеей, пытаясь избавиться от жал, вонзившихся в нее, но копья глубоко вошли в змеиную плоть. Тогда разъяренный дракон стал молотить хвостом по воде, вспенивая ее.

Поднялись огромные волны. Водяные валы обрушивались на палубу, смывая с нее людей. Неожиданно чудовище нырнуло, как будто решило искать спасения в зеленоватых мрачных глубинах. Но людям рано было благодарить богов за спасение. Страшный удар сотряс судно, едва не опрокинув его. Этим толчком нескольких гребцов и рыжебородого выбросило за борт, и они попадали в воду. Кое-кому удалось подплыть к ладье, но рыжебородого откинуло слишком далеко. Внезапно между ним и высоким бортом всплыла змеиная голова. Казалось, еще чуть-чуть — и морской дракон проглотит очередную жертву. Но великан не стал дожидаться, пока его сожрут. Вместо того чтобы попытаться отплыть подальше, он рванулся к чешуйчатой шее и ухватился за копье, торчавшее из нее. Наверное, от этого движения боль, терзавшая монстра, стала еще нестерпимее. Он разинул пасть и бешено замолотил головой, надеясь смяхнуть с себя врага. Скорее всего, ему бы это удалось, потому что покрытая слизью чешуя была невероятно скользкой, но рыжебородый уцепился ногами за еще одно копье. Опираясь на него, он дотянулся до третьего металлического жала, вонзившегося совсем близко к уродливой голове, и переместил свое тело еще выше. Рука рыжебородого метнулась к поясу, взлетела вверх с длинным клинком и вогнала его в желтый, пылающий злобой глаз. В то же мгновение пучина поглотила и дракона, и человека. Казалось, она навеки похоронила смельчака вместе с чудовищным морским гадом. Но вскоре среди огромных волн, рожденных конвульсиями колоссального тела, мелькнула рыжая голова...

И снова все заволокло туманом. Исчезло море, исчез корабль, танцевавший на волнах, и пропали бревенчатые стены. Рыжебородый сидел на краю огромного ложа, устланного пушистыми шкурами, поверх которых было небрежно кинуто одеяло из тех же шкур, подбитое беличьим мехом. Перед ним стояла темноволосая девушка, покорно опустив голову и полуприкрыв густыми черными ресницами густую синеву глаз. Упругие полушиария груди высоко вздымались под рубашкой из грубого сероватого холста. На смуглой длинной шее темнела полоса металлического ошейника. Рыжебородый проговорил что-то с ухмылкой, и

девушка, опустившись на колени, стала стаскивать с него сапоги, потом поднялась, отступила и замерла, очевидно ожидая новых приказаний. Великан поманил ее к себе, и она послушно присела на краешек ложа. Рука рыжебородого потянулась к застывшему лицу. Грубый палец прикоснулся к уголку нежного рта и заскользил, повторяя очертания побелевших от скрытого напряжения губ. Потом он приподнял дрожащий подбородок. Черные ресницы встрепенулись, и холодные серые глаза мужчины встретились взглядом с пронзительно синими. Губы рыжебородого раздвинулись в хищной улыбке. Тяжелые руки легли на плечи, скрытые грубым холстом, и два лица — жесткое, искаженное желанием и смятенное, мертвенно бледное от страха — стали неумолимо сближаться. Вожделение сделало великана беспечным, и он не заметил, как тонкая рука скользнула к ножам на поясе, который рыжебородый не успел снять. С неожиданной силой девушка оттолкнула его и занесла руку с ножом для удара. От былой покорности не осталось и следа. Пламя ненависти полыхало в синих глазах. Брови рыжебородого удивленно поползли вверх, потом дрогнули уголки губ, сочных и красных, как сырое мясо, и он разразился издевательским хохотом. Смех сотрясал все его крупное тело. Он повалился на ложе, как будто лишился сил. Этот отвратительный смех переполнил чашу ненависти. Глаза девушки из синих стали черными, и она кинулась на врага, как дикая кошка. Однако железные пальцы перехватили на полдороге тонкое запястье, стиснули его. Нож упал на светлый пушистый мех. Рыжебородый поднял его и зашвырнул в угол. И уже без тени улыбки повернулся к своей жертве...

Когда жесткое, словно составленное из ломаных линий, лицо в обрамлении огненных волос снова соткалось из тумана, стало заметно, что резец времени оставил на нем свои следы. Теперь рыжебородый восседал в массивном дубовом кресле, на помосте, высившемся в конце просторного зала. Через весь зал тянулся уставленный блюдами стол, за которым пировали рослые суровые люди. В очагах, сложенных из огромных камней, пыпал огонь. По залу бегали псы, подбиравая обедки, брошенные пирующими. На почетном конце стола, рядом с хозяином, где гостей обносили в первую очередь, сидели трое молодых мужчин, похожих на рыжебородого статью, чертами лица и медными волосами. Буйные во хмелю, они толкались, орали что-то, задирали друг друга и соседей, но рыжебородый смотрел на них снисходительно, как старый пес на разыгравшихся щенков. Среди слуг была и черноволосая женщина с печальным осунувшимся лицом, все еще красивым, хотя краски молодости поблекли. Наливая одному из пирующих вино, она как будто задумалась или дрогнула усталая рука, и багряная влага хлынула через край. Это не ускользнуло от глаз дородной высокой хозяйки дома, гордо носившей на голове золотой обруч, знак ее высокого положения. Хищной птицей налетела она на провинившуюся и, вцепившись одной рукой в массу черных волос, все еще густых и прекрасных, стала другой хлестать служанку по лицу, вкладывая в удары неутолимую, словно зревшую годами злобу. Мужчины, наблюдавшие за избиением, потешались от души и пьяным ревом и жестами поощряли расходившуюся хозяйку. Только одному человеку эта сцена не доставляла удовольствия: из угла залы, сжавшись в комок, следил за расправой мальчишка, грязный и оборванный. Настоящий звереныш с копной черных волос и ледяными серыми глазами — единственное, что он унаследовал от своего отца...

На широком ложе, устланном серебристо-серым мехом, спал человек. Волосы и борода его цветом напоминали льды, сковавшие северное море, просторы которого он бороздил когда-то. Время и болезнь изгладили могучее тело, и рука, безвольно лежавшая поверх

мехового одеяла, была желтой, как воск. Старик спал, не подозревая, что возле его ложа стоял человек, тайно проникший сюда. Спутанные черные волосы скрывали широкий низкий лоб. Густые угольные брови сомкнулись у переносицы. Под ними мерцал грязно-голубой лед безжалостных глаз. Тонкие губы презрительно кривились. Жилы вздулись на шее, и в нее почти впивался металлический ошейник. Незваный гость был сложен так, словно не смертная женщина выносила его в своей утробе, а божества выковали из меди, готовя ужасное орудие, сеющее смерть.

Старик спал, не подозревая, что волчьи глаза не отрывались от его изъеденного временем и хворью лица, что гнев раздувал могучую грудь, как кузачные мехи, что жесткие пальцы судорожно сжимались, вонзая ногти в ладони, как будто мужчина боролся с нестерпимым желанием броситься на спящего и перегрызть ему горло.

Пришедший из мрака склонился над ложем и вдруг замер — старик открыл глаза. Два волка, старый и молодой, уставились друг на друга в мертвом молчании. И воля старого хищника подчинила себе плоть от плоти его. Вместо того чтобы сжать пальцы на горле старика, черноволосый повалился на колени и припал губами к желтой руке. Он молил о чем-то, что-то требовал, горячо и страстно. С трудом просунув пальцы под ошейник, он пытался сломать металлическое кольцо, словно оно душило его. Старик наблюдал за ним с холодным равнодушием, а потом оскалил редкие зубы. Он издевательски хохотал, но смех неожиданно перешел в удушье. Желтые руки схватились за горло, раздирая его ногтями. Лицо посинело, глаза вылезли из орбит... Последний хрип вырвался из черного провала рта. Глаза, в которых навеки застыл ужас, остекленели. И теперь уже другой человек хохотал, как будто в жизни не видел ничего смешнее смертного одра...

На морском берегу лежал плот, сколоченный огромных бревен. Посреди него на высокой груде поленьев и хвороста покоилось завернутое в меховой плащ тело. Ветер трепал седые волосы, в которых поблескивал золотой обруч. В правую руку, вытянутую вдоль тела, вложили меч. Согнутая в локте левая рука мертвеца держала продолговатый медный щит с изображением ощерившегося волка. Слева и справа от неподвижного владыки вытянулись два человеческих тела, которые смотрели пустыми глазами в серое небо, словно спрашивая богов, неужели и после смерти им суждено носить ошейник. В ногах у покойника стояли стянутый медными обручами дубовый бочонок, сундук и несколько деревянных ларцов. Угрюмые люди спустили плот на воду и привязали его к небольшому членоку, в который сели трое гребцов. Они налегли на весла, и членок заскользил по волнам, увлекая за собой плот. Заплыv довольно далеко, гребцы отвязали плот и вернулись на берег. Из молчащей толпы выступил тот, кто унаследовал власть и ожерелье из самородков. Ему подали тяжелый лук и стрелу, конец которой был обмотан паклей. Молодой вождь натянул тетиву, а воин, стоявший неподалеку с факелом, поджег паклю. Стрела просвистела над водой и воткнулась в погребальный костер... Когда пламя пожрало тела мертвого владельца и его спутников, люди покинули берег и начали взбираться по крутой тропе через скалы туда, где высился окруженный рвом частокол...

Во дворе, между большим домом с двускатной крышей, сложенным из темных толстых бревен, и низкими хозяйственными постройками, сновали слуги.

Новый хозяин ожерелья и двое похожих на него рыжеволосых гигантов встали перед домом. Молодой вождь вынул из ножен меч и застыл в величественной неподвижности. К нему медленно потянулась вереница людей. Сначала приблизились носящие оружие. Каждый опускался на одно колено и целовал клинок. За воинами последовали с овечьей

покорностью люди в ошейниках. Они простирались перед господином на земле и целовали кончик сапога. Очередь дошла до черноволосого смуглого великана в отрепьях. Однако он не спешил распластаться на земле. Он дерзко ухмылялся. Его хозяин побагровел от ярости. Свинцовый кулак врезался в ненавистное лицо, разбивая рот и круша зубы, чтобы стереть наглую усмешку. Но разбитые губы снова растянулись в улыбке, и черноволосый сплюнул сгусток крови на сапоги из мягкой дорогой кожи. Стоящие рядом с господином схватились за мечи, но вождь остановил их мановением руки и отдал приказание воинам. Смутьяна схватили и потащили к двум столбам, в которые были вделаны внизу и на высоте человеческого роста металлические кольца. Кольца защелкнулись на запястьях и щиколотках черноволосого, так что он оказался распятым между двумя столбами. С него содрали темную от грязи и пота рубаху, обнажив тело до пояса. Тяжелый кожаный хлыст с металлическими накладками рассек воздух и обрушился на медную кожу, оставив после себя красную полосу. Снова и снова взлетал бич, пока кровавые борозды не слились в одно пятно...

На окраине черного леса, возле болота, паслось стадо полутихих свиней, поджарых, горбатых, с загривками, поросшими жесткой щетиной. Неподалеку на камне сидел мрачный великан. Взгляд его блуждал между одинокими голыми стволами, торчавшими из топи, как гнилые клыки из смрадной пасти. Этот беспокойный взгляд словно пытался пронизать седую пелену, стлавшуюся над трясиной. Потом голова человека склонилась, и черные слипшиеся пряди закрыли глаза. Человек так глубоко погрузился в свои невеселые думы, что ничего не замечал вокруг. Он не видел, как клочья зловонного тумана стали сливаться, сгущаясь, и на краю болота возникла уродливая старуха. Ее горбатое иссохшее тело облекало грязно-серое рувище, перехваченное поясом из звериных позвонков, нанизанных на жилу, и диковинного вида плащ из волчьей шкуры. То, что было когда-то головой матерого зверя, прикрывало голову старой карги, лапы с длинными когтями свисали с ее плеч.

Перепуганное стадо сбилось в кучу. Старый секач, низко опустив безобразную морду с грозными клыками, рыл копытом землю, но не решался напасть. Визг свиней наконец привлек внимание черноволосого. Он поднял голову и поймал на себе взгляд хитрых мутно-зеленых глаз, посверкивавших в глубоких складках дряблой кожи. Тонкогубый рот разъехался в заискивающей улыбке. Человек угрюмо пробормотал что-то и кивнул на камень. Старуха поспешило заковыляла к нему и присела рядом. Сначала разговор не ладился, потому что черноволосый отделялся односложными репликами или вообще не давал себе труда разжать упрямо стиснутые челюсти. Но старуха не отступала, втолковывая что-то собеседнику — сначала вкрадчиво, а потом с наглой назойливостью. Голова ведьмы подергивалась, словно норовила клюнуть хищным носом, загибаясь над черной ямой беззубого рта. Черноволосый нахмурился в ответ на хитрые речи, лицо его передернула гримаса отвращения. Но яд,литый искусно, по капле, уже побежал по жилам. Морщины сомнения разгладились, и странная пара ударила по рукам, заключая сделку...

Высокий человек пробирался во мраке между черными стволами. Ветки цеплялись за его одежду, хватали за спутанные волосы, словно хотели остановить. Но он уже достиг большой поляны и вступил в круг из высоких плоских камней, испещренных непонятными знаками: молниями, трезубцами, косо перечеркнутыми палочками... Знаки обегали вокруг примитивного рисунка — изображения человеческой фигуры с головой волка. В центре круга на двух камнях лежала толстая плита.

Луна вынырнула в разрыве между облаками и осветила бледное лицо. Человек вытащил что-то из-под плаща и отдал появившейся из темноты старухе. Руки его дрожали. Старая

ведьма заковыляла к алтарю и положила на плиту, белую в лунном свете, черного ягненка. Достав откуда-то из складок одежды нож, ведьма перерезала ягненку глотку. Темная струйка побежала по желобку, выдолбленному в камне, и стала наполнять чашу, которую подставили скрюченные руки. Ведьма опустила палец в кровь и обсосала его, жадно причмокивая. Она поставила чашу на землю неподалеку и вернулась к жертвеннику. Костлявый когтистый палец заплясал в воздухе, и в темноте вспыхнули языки голубого пламени, которые стали жадно лизать жертвенник. Тушка ягненка вспыхнула, быстро обуглилась и рассыпалась пеплом.

Ведьма захлопотала у плиты, натирая ее пеплом и что-то приказывая остылому от ужаса человеку. Тот покорно сбросил одежду и лег на плиту. Обмакивая палец в кровь, старуха смазала ею губы черноволосого, начертила знаки у него на лбу, на щеках, расписала кровавыми узорами все тело. Потом она поднесла чашу к губам, осушила ее одним глотком и начала безумный танец вокруг алтаря. Она притоптывала, кружилась, воздевала корявые руки к небу, призывая кого-то. Голубые искры загорелись и забегали на поверхности серых камней, окружавших жертвенник, начали стекаться к верхушке, а потом слились в светящиеся шары, которые оторвались от камней и поплыли к жертвеннику, чтобы соединиться над ним в полыхающую сферу.

Горящий шар стал сплющиваться, преображаясь в огромное яйцо, которое затем стало разматываться, как клубок. Обрывки мерцающих нитей образовали вихрь, который устремился к разрисованному знаками телу, обретая постепенно очертания волчьей морды. Сначала демон жадно слизывал кровь призрачным языком, потом его клыки вонзились в горло человека, стали рвать куски его плоти. Вихрь подхватил бесчувственное тело, поднял его над плитой и понес, как сухой листок, к самым верхушкам деревьев. Волк играл добычей, то отпуская ее и забавляясь ее падением, то подхватывая и снова вознося ввысь. Наконец, натешившись вволю, вихрь обволок собой тело, заключив его в голубой кокон, который плавно опустился обратно на каменную плиту. Когда свечение потухло, рассеялось, стало видно, что страшные рваные раны, нанесенные клыками демона, исчезли без следа. И хотя веки человека были плотно сомкнуты, грудь его ровно вздымалась. В правой руке он сжал меч...

Высокий черноволосый человек стоял посреди длинного зала и в недоумении разглядывал свои руки. Они были красными. От кончиков пальцев и выше. И грудь его покрывали красные пятна, пятна крови. И одежду. Он ощупывал тело в поисках раны, из которой натекло столько крови. Но не находил ее. Он оторвал взгляд от своего тела и увидел меч, лежавший в темно-красной луже. И обезглавленный труп. Потом еще один, со вспоротым животом. Просторный зал напоминал поле уже отгремевшего боя. Груды мертвых тел. Вон там — дюжий детина с топором в руке, на лице его застыло изумление. А тот пытался спастись бегством, но кто-то настиг его и уложил ударом в спину. Человек осел на пол и обхватил руками голову...

Это было последнее, что удалось увидеть киммерийцу. Рука старика соскользнула, увлекая за собой его руку, и видения оборвались. Смуглое лицо вендиша побелело, на лбу простили бисеринки пота. Встревоженный Конан потряс его руку:

— Мудрейший, ты не захворал?

К его великому облегчению, глаза Чиндары медленно открылись.

— Не беспокойся. Просто такие мысленные странствия отнимают много сил. И я не выношу вида крови.

— Да. Чего-чего, а крови там было достаточно, — беспечно отозвался варвар, которого, говоря по чести, трудно было удивить таким зреющим. За свою короткую жизнь он успел навидаться мертвых.

— Теперь-то ты понял, глупый мальчишка, какую опасную игрушку таскаешь с собой?

— Теперь я понял, что ты умеешь не только рассказывать сказки, но и показывать их. Было очень занято, клянусь бородой Крома!

— Так ты вообразил, что я...

— ...Решил немного меня попугать. Ты великий колдун. Ловишь чужие мысли. Может, и сны умеешь насытать?

— Неужели я тебя не убедил, что твой меч — не творение рук человеческих? Что его, верно, ковали демоны?

— Да хоть бы и сам Нергал... Клинок-то получился знатный.

— Послушай, ничто в этом мире не дается даром. Рано или поздно Темные Силы потребуют плату. Странно, что этого до сих пор еще не случилось.

— Я уже расплатился сполна, когда тот скелет едва не задушил меня.

— Глупости. Если клинок до сих пор не проявил своих волшебных свойств, так это потому... — Старик неожиданно замолчал.

— Почему же? Я терпеть не могу всякого колдовства, но любопытно.

— Ладно, лучше тебе это узнать от меня, чтобы ты не стал искать ответа у какого-нибудь черного мага. В одной старинной рукописи я прочитал, что заколдованное оружие только тогда приобретает грозную силу, когда его обладатель с ним породнится.

— Породнится? Как это?

— Совершит колдовской обряд или жертвоприношение, а может, прочитает заклинание. Все зависит от того, какое заклятие наложено.

— И что же нужно делать с моим мечом?

— Не знаю. Да если бы знал, не сказал бы.

— Как так?

— Породнившись с этим мечом, ты породнишься со Злом. Оно пожрет тебя, как поглотило того, кто прежде владел им.

— А что такого страшного сотворил тот человек. Просто отомстил за себя. Я и сам побывал в его Шкуре. Знаю, что такое рабство.

— Вижу, что убеждать тебя бесполезно. Ты слепая игрушка в руках судьбы.

— Вот уж нет. Никто не может управлять мной. Я живу по своей воле. Это ты скован по рукам и ногам. Этого нельзя, того нельзя.

— А ты не подумал, что привело тебя в тот склеп? Случайно ли ты там оказался?

— Что, что... Бежал от волков...

— Волки в лесу, волк на знамени, на щите, на камне... Демон-волк. Эти люди считали волка своим предком, своим покровителем. Они сами были волками в человеческом облике.

— Оборотнями?

— Нет. Просто хищниками с каменными сердцами.

— А где ты видел других людей?

— Увы, в твоих словах много истины.

— То-то и оно. И лучше быть хищником, чем добычей.

— В этом мы с тобой не придем к согласию. Скажи лучше, ты заметил, что тот человек, хозяин меча, очень похож на тебя? Только глаза другие. Может, мать его принадлежала к

твоему на роду? Это мне тоже не нравится.

— По твоим словам выходит, что я ему приглянулся, потому что похож на него, и он послал волков звать сородича в гости. Что же он тогда чуть не придушил меня?

— Не он тебя выбрал. Тебя избрало Спящее Зло. Оно искало нового хозяина. Бесстрашного, могучего и юного, у которого впереди долгая жизнь. И не обижайся — не слишком умного, такой душой легче овладеть. Обитатель склепа знал и решил остановить тебя любой ценой, пресечь путь Спящего Зла.

— Может, я глуп, но не настолько, чтобы путешествовать безоружным из-за того, что тебе везде мерещится Зло.

— Что ж, поступай как знаешь. Время уже позднее, а нам завтра предстоит долгий путь.

На следующий день они расстались, потому что вендиц направлялся на восток. Конан успел привязаться к беспокойному старику и прощался с ним не без сожаления. Чиндара уже отошел на несколько шагов, как вдруг вернулся чуть ли не бегом.

— Я забыл сказать тебе кое-что очень важное, — проговорил он, задыхаясь. — Если ты все же решишь избавиться от меча, не дари его, не продавай. Лучше зарой в землю или брось в воду. Кто знает, в какие руки он может попасть. И держись подальше от тех, кто сведущ в магии.

* * *

Уже второй день Конан опять шел по унылой степи один. Никакие увертывания старца не заставили варвара отказаться от намеченной цели. Его манил Шадизар, словно какая-то магическая сила влекла его туда. Жизнь вора, полная приключений, опасностей и всевозможных удовольствий, казалась юноше прекрасной. Ему хотелось испытать себя, доказать, что он не только смел, но также ловок и хитер. Время от времени Конан задумчиво улыбался, представляя, как тратит деньги растряпьи-богача в шумном кабаке, пьет терпкое вино и гладит кругое бедро доступной и ласковой аппетитной красавицы. Она заливисто хохочет, запрокинув голову, и шелковые локоны, разжигая желание, щекочут сильную шею и мощные плечи удачливого вора. О боги! Что все премудрости мира по сравнению с такой полной радости жизнью! Пусть мудрость тешит старииков, а он, в ком силы играют и требуют выхода, не свернет с избранного пути.

Пейзаж постепенно менялся. Чем дальше путник продвигался на юг, тем больше появлялось деревьев с пышными кронами, все чаще попадались небольшие прозрачные ручейки, в которых журчала чистая холодная вода. Смерть от жажды и злого солнца уже не грозила ему, однако запас сухарей и вяленого мяса истощился, а такой добычи, что могла бы составить сносную трапезу, юноше пока не посчастливилось встретить, и пустой желудок все чаще и чаще напоминал о себе.

Конан внимательно посмотрел по сторонам, увидел неподалеку поблескивающую ниточку ручья, извивающуюся в ярко-зеленой траве, и решил присесть там ненадолго, чтобы перекусить. Устроившись поудобнее, он с явным удовольствием погрузил руки в холодную воду, зачерпнул полную пригоршню и плеснул себе в лицо обжигающую голубоватую влагу. Вода тонкими струйками потекла по лицу, шее, груди, взбадривая путника и снимая усталость. Юноша развязал свой тощий дорожный мешок, достал оттуда несколько сухарей и небольшой кусок жесткого сухого мяса. Эти припасы были последними. Конан взвесил на

ладони свой скучный обед, криво усмехнулся и решительным жестом отправил еду в рот. Он старался жевать как можно медленней, чтобы растянуть удовольствие. Закончив трапезу несколькими глотками ледяной воды, Конан начал озираться по сторонам в надежде, что из травы появится хоть какой-нибудь любопытный зверек, которого можно будет отправить в желудок вслед за сухарями и жалким кусочком мяса. Но все было тихо, только по ветвям дерева, возле корней которого расположился путник, прыгала крошечная пичуга, столь щуплая, что на нее не позарился бы даже голодный кот. Глубоко вздохнув, юноша лег на спину, закинул руки за голову и, глядя в высокое небо, по которому медленно плыли облака причудливых форм, задумался и незаметно для себя задремал.

Тихое шуршание мгновенно разбудило Конана. Он резко сел и схватился за рукоять меча. Трава возле ручья едва заметно колыхалась, но не ветер был тому причиной. Зоркие глаза киммерийца заметили, как солнечный луч вспыхнул в траве, отразившись от чешуи плавно ползущей змеи. Тварь была, похоже, крупной, толщиной едва ли не с руку Конана. Варвар знал, что мясо змей не только съедобно, но и даже вкусно. Правда, о вкусе он сейчас совсем не думал, юноша готов был уже жевать кору дерева. В предвкушении столь близкого обеда рот киммерийца мгновенно наполнился голодной слюной, а пальцы сами по себе плотно сомкнулись на рукояти меча. Конан резко вскочил на ноги, и это оказалось его роковой ошибкой: змея молниеносно прыгнула, и острые ядовитые зубы глубоко впились в ногу варвара, пронзив его тело острой болью. Отбросив меч, юноша схватил гадину за голову и мощным рывком разжал сильные челюсти. Затем, вложив в одно движение все свои силы, разорвал твари пасть. Крупная плоская голова развалилась пополам, и из раны фонтаном забила яркая кровь. Змея еще шевелилась, когда Конан отбросил ее в сторону, но это были уже посмертные судороги.

Киммериец медленно опустился на траву, чувствуя, что быстро слабеет. На ноге, чуть ниже колена, зияли глубокие рваные раны, оставленные зубами толщиной примерно с палец. Края ран буквально на глазах краснели и опухали. Будь варвар хоть немного слабее, он уже лежал бы мертвым рядом с убитой змеей, но невероятно сильный организм упорно боролся со смертельным ядом. Недолго думая юноша схватил меч и решительно вырубил из раненой ноги большой кусок плоти, захватив и ту часть, до которой краснота и опухоль еще не успели доползти. От невыносимо резкой боли он на какое-то время потерял сознание и поэтому не видел, как клинок, обагрившийся его кровью, вспыхнул голубоватым пламенем, которое тут же погасло.

Конан довольно быстро пришел в себя. Нога нестерпимо болела, по всему телу волнами разливалась слабость, глаза застилал туман, голова кружилась. С большим трудом дотянулся варвар до своего дорожного мешка и, пошарив в нем рукой, извлек оттуда маленький пакетик, оставленный ему старцем. В пакетике лежали остатки целебной мази, которой Чиндара лечил раны юноши. Стараясь унять дрожь в руках, чтобы — да хранят от такой напасти Светлые Боги! — не уронить снаряжение в песок, Конан достал мазь и аккуратно нанес ее на ногу. Боль тут же начала утихать, туман перед глазами рассеялся, и киммериец обрел способность трезво мыслить. Он внимательно осмотрел гадину, чуть не лишившую его жизни, вырезал из нее большой кусок и жадно впился в еще теплое мясо зубами. Оно оказалось на редкость нежным и вкусным, и варвар быстро уголил терзавший его голод. Запив обильную еду водой из ручья, Конан решил остаться тут и отдохнуть до утра, чтобы набраться сил, так как путь, по его предположениям, предстоял еще неблизкий.

Наутро путник проснулся бодрым, полным сил и решимости идти дальше. Рана на ноге

не болела и не кровоточила. Конан собрался позавтракать, но... он спал так крепко, что не слышал, как ночью какие-то мелкие хищники начисто обгладали тело змеи. Теперь в густой зеленой траве лежал лишь длинный белый хребет. Лишенный завтрака юноша попил воды, тяжело вздохнул и тронулся в путь, надеясь по дороге поймать какую-нибудь живность.

Сначала он шел легко и быстро, но постепенно голод начал давать о себе знать, а никакой добычи как назло Конану не попадалось. Так прошел почти весь день, начало смеркаться, и тут зоркие глаза варвара различили на горизонте какие-то странные очертания. Шатры? Похоже. Какие-то животные... О боги! Да это же верблюды! И, кажется, костры... Уж не караван ли расположился на постой там, вдали?

Зрение не обмануло Конана. Это оказался караван, идущий из Ианты, столицы богатого Офира. На его землях находилось множество рудник ков, где в огромном количестве добывали чистейшее золото, которым вполне успешно торговали с другими государствами, щедро оплачивали наемников, а также покупали мир и благополучие на границах. Люди там жили сытно и богато, отличались добросердечием. Конечно, как и повсюду, там встречались и мошенники, и злодеи, и хитрецы, но в целом об офорцах шла слава людей мягких и миролюбивых.

Караван, который увидел Конан, вез в Шадизар золото. Он состоял из пятнадцати верблюдов и нескольких лошадей, однако лишь три верблюда везли огромные золотые слитки, остальные животные были нагружены шатрами, снаряжением, запасами провизии и воды, оружием. Купцы намеревались продать в Шадизаре золото и купить на вырученные деньги прекрасные вендийские ткани и ковры, драгоценные и полудрагоценные камни, изделия из металла и кожи, восточные пряности и много-много других товаров, которыми изобиловали шадизарские базары.

Естественно, такое огромное богатство надо было хорошо охранять, и поэтому караван сопровождала сотня вооруженных до зубов воинов.

Это были в основном наемники, возглавляемые офорцем Аримиумом. Тридцатипятилетний мужчина высокого роста, могучего телосложения, неглупый и незлобивый, искусно владел и мечом, и луком, однако был совершенно беспощаден к врагам, лентяям и трусам. Он не любил подчиняться кому бы то ни было и привык принимать решения сам, однако редко противоречил начальству в открытую, храня в душе мечту о более высоких должностях. Сейчас его начальником был глава каравана Ульфиус Кеда. Этот пятидесятилетний вельможа, заплыvший жиром из-за своего безмерного аппетита и природной лени, столь же важный, сколь и хитрый и коварный, не вызывал у Аримиума добрых чувств, однако заслуженный воин держался с ним вежливо и ни разу не выказал неповиновения, хотя многие распоряжения Ульфиуса считал бессмысленными.

Караван расположился на отдых. Раскинули шатры, самый роскошный из которых, конечно же, занял Ульфиус Кеда, сняли тюки с животных, развели небольшие костры, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания, выставили охрану. Путь каравана выдался на редкость спокойным, и поэтому охранники не слишком усердствовали на привалах, уже начиная забывать, когда в последний раз обнажали клинки.

Когда Конан возник в свете костра, возле которого удобно устроился Аримиум, военачальник тут же вскочил на ноги.

— Кто ты? Как ты тут очутился?

— Охрана у вас неважная. Эти слепцы даже не заметили меня.

— Секама! — позвал Аримиум воина, которого поставил во главе стражи.

Звеня доспехами, из темноты выбежал молодой человек и с изумлением уставился на варвара.

— Ты кто такой?

— Это я должен у тебя спросить, — нахмурился Аrimиум. — Будешь наказан.

Секама бросил злобный взгляд на Конана, но возражать начальнику не стал и молча удалился. Аrimиум повернулся к юноше:

— Так кто ты? И как тебе удалось обойти охрану?

— Я Конан. Киммериец. А такую нерадивую охрану может обойти даже ребенок.

Аrimиум поморщился и сжал рукоять меча, висевшего у него на поясе, но промолчал, ожидая, что еще скажет этот юный оборванный нахал. Однако тот, видимо, считал, что ответил на все вопросы. Офицеру пришлось первым нарушить молчание:

— И чего же ты хочешь?

— Караван направляется в Шадизар?

— Да.

— Могу предложить вам свой клинок. В вашем отряде ведь есть наемники?

— А почему ты решил, что нам нужен еще кто-нибудь?

— Я неплохо владею мечом. Да и платы мне большой не надо. Я тоже иду в Шадизар.

На самом деле Конан согласился бы стать охранником только за еду, ибо его пустой желудок уже начал бунтовать, и за кусок хорошего мяса варвар был готов перерезать глотки десятку отчаянных смельчаков. Но гордость не позволяла просто попросить кусок хлеба, а кроме того, он не хотел дальше идти один. Он пережил уже немало приключений и теперь мечтал лишь поскорее добраться до цели.

Аrimиум смерил юношу с головы до ног долгим оценивающим взглядом. Конечно же, этот наглец довольно силен, но уж слишком молод... Да и вид его не внушает доверия: грязные лохмотья, потрепанный и явно пустой дорожный мешок, ввалившиеся глаза, спутанные длинные волосы.

Воины, расположившиеся на отдых, тоже с подозрением рассматривали непрошеного гостя, и тот им явно не нравился. Каждый легко мог представить себя на месте провинившегося стражника, а молодость Конана просто выводила их из себя. По мнению многих, он вел себя слишком дерзко и самоуверенно. Видя, что начальник не торопится принять предложение юнца, они начали потихоньку подшучивать над ним, постепенно распахиваясь все больше и больше.

— Эй, Утним, посмотри на этого птенчика! Он, похоже, считает, что один может заменить сотню воинов!

— Конечно, может. И деньги за это загребает немалые. Взгляни, какие у него великолепные доспехи! Он честно заработал их своим мечом.

— Осторожнее, не рассердите молодого льва, а то он сейчас всех нас сожрет!

— Да уж, с голодным хищником лучше не иметь дел.

— А может, покормим его?

И, заготовив во всю глотку, воин бросил в Конана обглоданную кость. Тот молниеносно уклонился, и «утощение» пролетело мимо. Варвар с удовольствием снес бы обидчику голову одним ударом, но сейчас, собрав всю свою волю в кулак, решил не позволять гневу вырваться наружу. Ему нужна была эта работа, нужна еда, и поэтому, словно не слыша насмешек, он неотрывно смотрел на Аrimиума. Начальник охраны понял его поведение неправильно, решив, что парень не может постоять за себя, и, усмехнувшись, сказал: — Нет, мне не нужны

младенцы. С нами нет ни одной женщины, и некому будет менять пеленки.

Охранники захотели так, что даже верблюды испуганно вскочили на ноги. Конан сжал зубы, и желваки заходили на скулах. Он выхватил меч:

— Попробуй испытать меня!

Потом, сообразив, что в этой драке никто не должен погибнуть, предложил:

— Я могу даже не пользоваться мечом. Предлагаю так: твой меч против палки. Найдется у кого-нибудь посох?

Аrimium недоверчиво пожал плечами и тем не менее согласился. Странно, но этот щенок начинал ему нравиться. А если юнец не будет вооружен, то это вполне благовидный предлог, чтобы не убивать его.

На шум из своего шатра выглянула Ульфиус — посмотреть, что там происходит. Не обнаружив ничего интересного, он собрался было вернуться обратно, но в этот миг Конан достал меч из ножен, и Ульфиус вздрогнул: от меча явно исходила магическая энергия.

Ушлый офицер достаточно разбирался в магии, чтобы сразу понять это. Он даже собирал всякие колдовские предметы, не всегда четко представляя их назначение. Однако, будучи человеком не слишком глубокого ума, упивался игрой с неземными силами, дававшей ему иллюзию могущества. Меч сильно заинтересовал Ульфиуса, и он даже с досадой крякнул, когда Конан убрал оружие в ножны. Толстяк решил остаться и понаблюдать, пока не выдавая своего присутствия.

Услышав о предстоящем необычном поединке, к костру, возле которого стояли Конан и Arimiun, стали собираться воины, погонщики и даже купцы. У одного из купцов оказался в руках тяжелый посох с резным золотым набалдашником. Купец, подумав немного, решительно протянул его варвару:

— Это подойдет?

Конан взял посох, взвесил его на руке и уверенно кивнул:

— Вполне. Я верну его тебе в целости и сохранности.

Зрители образовали круг, оставив сражающимся довольно просторную площадку. Arimiun выхватил меч и ринулся в атаку. Конан едва уловимыми движениями легко уходил от выпадов противника, выжидая мига, когда можно будет нанести ощутимый, но не слишком болезненный удар. В конце концов, ему надо было лишь блеснуть мастерством, и он решил показать себя в наилучшем свете.

— Эй! Ты собираешься драться или танцевать? — съехидничал кто-то из зрителей.

Конан даже бровью не повел. Все его внимание сосредоточилось сейчас на оружии Arimiuma. Офицер, разозленный тем, что никак не может даже зацепить неуловимого юнца, схватил меч двумя руками, поднял его над головой и подпрыгнул, намереваясь нанести удар сверху. Но Конан не зря внимательно наблюдал за жрецами в Нерушимой Обители. Он снова увернулся и коротким, резким движением, который могли заметить только самые внимательные наблюдатели, опустил посох. Удар пришелся в бок Arimiuma, и, если бы не доспехи, ребро, скорее всего, оказалось бы сломанным, так как умерить свою силу молодой варвар так и не сумел. Офицер издал изумленный возглас и покачал головой. Зрители затаили дыхание. Киммериец продолжал кружиться по площадке, толпа возбужденно гудела. Еще одна атака офицера закончилась ничем. Конан снова увернулся, и еще раз, и еще. Порох, словно живой, бил Arimiuma по ногам, груди, рукам, и опытный воин понимал, что, будь у юноши тяжелый меч, ему, Arimiunu, пришлось бы несладко. Снова подняв над головой меч, он решительно бросился вперед, но неожиданно толпа зрителей раздвинулась, и, оттолкнув

стоявшего рядом купца, в круг ворвался Ульфиус.

— Остановитесь! — крикнул он, вскидывая над головой руку. — Юноша доказал, что умеет драться. Пусть остается.

* * *

На следующий день, ближе к вечеру, когда караван снова остановился на привал, Конана отыскал щуплый человечек с юркими глазами. Окинув юного варвара взглядом, одновременно опасливым и наглым, человечек сказал:

— Мой господин, высокородный Ульфиус, приглашает тебя в свой шатер.

Как видно, слуге было приказано держаться повежливей с дикарем, а он не понимал, почему должен так себя вести с бродягой, у которого всего и добра-то что меч, да и тот годится разве что на переплавку.

Конан последовал за слугой с большой неохотой. Ему не нравился этот хорек с бегающими глазками, не понравился и его хозяин, хотя киммериец видел его лишь мельком. Какое дело может быть у огирского вельможи, чья мошна лопается от золота и чья власть велика даже в чужих землях, к прохожему голодранцу? Под началом Ульфиуса и так достаточно головорезов, готовых прикончить любого — только пальцем шевельни. Что-то тут нечисто. Поэтому, отгибая полог шатра из тяжелого узорчатого шелка, варвар дал себе слово держаться настороже: кто знает, какую паутину плетет жирный паук. Как только Конан оказался в шатре, ноги его утонули в густом ворсе роскошного вендейского ковра. Хозяин полулежал, развалившись, на куче разноцветных бархатных подушек. Перед ним на небольшом резном столике стояли тяжелый кувшин из молочно-белого полупрозрачного камня и два золотых кубка. Над бронзовой курильницей вился дымок, распространяя по шатру сладковатый запах благовоний.

Пухлая холеная рука огирца поигрывала золотыми кистями подушки, невольно выдавая беспокойство, которое нельзя было прочесть на лоснящемся жиром лице. Какое-то время гость и хозяин молча рассматривали друг друга. Хотя Ульфиус понимал, что полуторальный дикарь полностью в его власти, по его телу пробежала дрожь, когда он встретил дерзкий взгляд синих глаз. Наверное, что-то подобное чувствовал человек, заглянувший в глаза саблезубой кошки. Конечно, возле входа в шатер несли охрану четверо стражников, и стоило ему только крикнуть, как они прикончили бы юнца, хоть тот и показал себя искусственным воином. А если варвар успеет все же перерезать ему глотку? Ульфиус судорожно сглотнул, словно почувствовал прикосновение холодной стали. Дикарь опасен, очень опасен... Жаль, что нельзя беседовать с ним в присутствии стражей. Интерес к клинку, ничем внешне не примечательному, может вызвать подозрения. Чего доброго, узнает Аrimium...

— Присядь, — небрежно предложил Ульфиус гостю. — Путь был длинным и утомительным. Отдохни. Давай немного поболтаем.

Конан устроился на ковре, усмехаясь про себя тонкому писклявому голосу вельможи.

— Я позволил тебе идти с караваном, потому что ты позабавил меня, сбив спесь с Аrimium. Этот надутый болван воображает, будто ему нет равных в ратном деле.

— Невелика заслуга, — пожал плечами Конан. — Аrimium дрался вполсильы, потому что не ожидал встретить во мне достойного противника. Он опытный и могучий боец. — «И стоит десятка таких, как ты», — мысленно добавил киммериец.

— Ну-ну, не скромничай. Хоть ты и юн, сразу видно, что побывал не в одной схватке. Сам я редко берусь за оружие, но люблю посмотреть на хорошую драку или послушать рассказы о подвигах.

«Хорошо, если этот боров, заплыvший жиром, знает, с какого конца держать меч, — подумал варвар, — Такие предпочитают загребать жар чужими руками. Хотя он, наверное, все же способен перерезать горло спящему или всадить кинжал в спину».

— Не выпьешь ли вина? — продолжал офицер, поглаживая ухоженную бороду. — В этих степях горло так быстро пересыхает от жары и пыли. Да, долгий утомительный путь и никаких развлечений, никаких удовольствий, кроме глотка доброго винца... Плесни себе в кубок. Славное вино, пуантенское. Обошлось мне недешево, но стоит того. Я всегда вожу с собой бочонок. — Ульфиус притворно вздохнул и улыбнулся одними губами. — Что поделаешь, слаб, люблю хорошие напитки.

Конан налил себе вина. В глотке действительно першило. К тому же было бы неучтиво ответить отказом, а он не хотел повздорить с офицером из-за ерунды и снова брести в одиночестве через бесплодные и опасные земли. Он поднес кубок ко рту, но только слегка пригубил вино: что, если радущий толстяк не пожалел для гостя яда или сонного зелья?

— Что же ты не пьешь? — спросил Ульфиус, осклабясь. — Боишься отравы? Ну ладно, смотри. — Он приподнялся на локте, наполнил второй кубок, отпил из него и причмокнул губами закатив глаза, словно испытал неземное блаженство.

Конан залпом осушил кубок. Толстяк не соврал, вино было отменным, хотя сам киммериец предпочитал терпкое красное.

— Нет, нет, — затараторил толстяк и замахал руками, — этот божественный нектар нельзя пить, как кислую бурду, которую подают в дешевых тавернах. Его надо вкушать маленькими глотками. Хотя ты еще слишком молод, чтобы понимать толк в хорошем вине... Налей еще. И крохотными глоточками...

«Уж не хочет ли он накачать меня вином допьяна? Но зачем? Чтобы потом зарезать, как барана? Или надеется развязать мне язык? Для этого ему пришлось бы влить в меня бочонок», — подумал киммериец и наполнил кубок до краев.

— Пей же и расскажи мне, какая земля рождает таких могучих воинов. Откуда ты?

— Из северных земель.

— Вот как, — удивился офицер. Короткие редкие брови поползли вверх, и на какое-то мгновение между припухшими веками и розовыми щеками показались крохотные круглые глазки. — А я-то думал, что тамошние земли населяют светловолосые или рыжеволосые великаны с белой кожей. У нас, в Офире, их охотно нанимают на военную службу, ибо они свирепы и боятся до последнего.

— Ты говоришь, верно, о вонючих псах, живущих в Асгарде и Ванахейме.

— Вонючих псах... — Толстяк захихикал. — Похоже, ты их не жалуешь.

— Они исконные враги моего народа. Насмотрелся я на эту падаль, пока был в пленау в Гиперборее.

— Ну, на немедийца или бритунца ты тоже не похож.

— Я киммериец.

— А-а, вот оно что. Воинственное дикое племя горцев, не так ли?

— Да, мы появляемся на свет, чтобы сражаться. Редкий из нас умирает на соломе.

— Кстати, раз уж мы заговорили о сражениях... Меня заинтересовал твой клинок. Любопытная вещь. Старинная, кажется. Я, видишь ли, люблю собирать старый хлам,

особенно из металла. Всякие фигурки, светильники, оружие. Ты позволишь мне взглянуть на меч?

Конану совсем не хотелось хотя бы на миг расставаться с оружием. Его передергивало при одной мысли, что эти короткие, как обрубки, пальцы коснутся его меча. С недавних пор в нем окончательно созрело ощущение, что эта холодная серая сталь — неотделимая часть его самого и он не может избавиться от нее, как не может по своей воле лишиться руки или ноги. К тому же это небезопасно. Но как отказать в такой невинной просьбе? И киммериец нехотя протянул клинок толстяку, решив: если тот задумал недобroе, можно на худой конец проломить ему голову увесистым каменным кувшином или запустить в него курильницей.

Сальные руки жадно ощупали рукоятку, погладили лезвие. Лицо офицера оставалось невозмутимым, но от взгляда Конана не ускользнуло, что на висках высокородного простили пот, а в глазах появился лихорадочный блеск. Но, видимо, в роду Ульфиуса были не только вельможи, но и торгари, потому что офицер, состроив равнодушную мину, проговорил:

— Он не так хороши, как мне казалось. Старинной работы, но ничего особенного. Впрочем, я мог бы дать за него золотой, просто из расположения к тебе.

Конан молчал.

— Хорошо. Пять. Я богатый человек и могу позволить себе маленькие прихоти, даже нелепые.

Киммериец только покачал головой.

— Сколько же ты хочешь за эту старую железку?

— Ровным счетом ничего. Этот клинок уже не раз выручал меня, и я с ним не расстанусь.

— Что ж, считай, что ты упустил удачный случай сбыть с рук этот хлам. Не выпить ли нам еще вина?

Наполняя вином кубки, Ульфиус лихорадочно соображал, как завладеть клинком, не привлекая к нему внимания. Если Ариимиум или кто-то из наемников хотя бы заподозрит, какая мощь заключена в мече, множество жадных рук потянемся к нему. То ощущение, которое пронзило его, когда он первый раз увидел оружие в руках варвара, было верным. Как хорошо, что никто в караване и понятия не имеет о магии. Конечно, и сам он только слегка приблизился к тайному знанию. В свое время он скрывал в потаенных покоях своего дома в Ианте стигийского жреца, изгнанного за пределы Стиксса. Стигиец ценил мрачные тайны Змееголового гораздо ниже радостей плоти. К сожалению, от него пришлось избавиться: он стал слишком требовательным, вино поглощал бочонками, без конца обжирался и даже начал поглядывать на женщин, обитавших в доме. К тому же Ульфиус опасался, что слуги что-нибудь пронюхают и разболтают и тогда на него ополчатся жрецы Митры. Жаль, очень жаль, он не успел многое почерпнуть из косноязычных объяснений вечно пьяного слуги Сета. Конечно, с тех пор он усердно собирал, не жалея денег, старинные пергаменты, но в них столько неясного...

Тем не менее он знал достаточно, чтобы осознать: меч — средоточие могущества, власти, огромной власти. Не понятно, как проявляет себя сила, заключенная в мече, что именно она несет тому, кто владеет клинком, но это не смущало офицера. Главное — заполучить меч, а там уж он разберется во всем, пороется в манускриптах... К счастью, этот тупой полуторалетний дикарь, кажется, не понимает, каким сокровищем обладает, иначе он бы уже вел за собой дикие орды в набег. Если меч и обнаруживал необычайные свойства, варвар,

скорее всего, по скудоумию приписал себе заслуги магической силы. Жаль, что он не соблазнился деньгами... Повстречайся они в Ианте, Ульфиус и не подумал бы торговаться — верные ему люди закололи бы бродягу в темном закоулке и принесли меч хозяину, не задавая лишних вопросов. Однако наемников, сопровождавших караван, отбирал Аrimium, и те преданы ему, как псы. Он, Ульфиус, не может отдавать приказания этим негодяям. А их начальник, похоже, взял киммерийца под свое покровительство.

— Скажи, а где ты раздобыл это старье? Наверно, вытащил из кучи лома, предназначеннного на переплавку. Только не говори, что купил его.

— Этот меч я завоевал в честном поединке.

— Ха, значит, какой-то недотепа лишился жизни из-за такого хлама?

— Я бы так не сказал, — не сразу ответил киммериец, подумав, что нельзя отнять жизнь у мертвеца.

— Какая жалость! А я уже надеялся услышать историю о том, как ты снес ему голову или выпустил кишки. Люблю послушать что-нибудь эдакое. Горячит кровь.

Конан, едва сдержавшись, чтобы не наговорить дерзостей, ответил просто:

— Я не мастер рассказывать истории.

— Конечно, конечно, за тебя говорит сталь, мой юный герой. Мне горько думать, что такой храбрец должен довольствоваться жалким оружием. Знаешь, я чувствую к тебе большое расположение. По годам ты мог бы быть мне сыном. — Тут Конан мысленно вознес хвалу Крому и всем Светлым Богам за то, что был зачат не этой горой жира, которая словно растеклась перед ним по подушкам. — Да, я всегда мечтал иметь такого сына. Я хочу сделать тебе подарок. Золоченые доспехи, шлем и какое-нибудь оружие. Больше всего тебе подошли бы секира и палица. Да, да, именно секира! Могучее оружие в могучих руках. Увы, я не вожу с собой таких вещей. Но кое-что у меня есть. Броко! — В шатер тотчас проскользнул похожий на хорька слуга. Стремительность, с которой он появился, наводила на мысль, что все время хлипкий человечек подслушивал где-то поблизости. — Открой мой сундук и покажи гостю клинки, которые лежат сверху, завернутые в шелк.

Изображая всем своим видом, что лично он не дал бы оборванцу даже кусок кизяка для костра, слуга извлек из сундука сначала кривую туранскую саблю, затем диковинного вида меч с волнистым клинком, пару кинжалов, зингарскую ламиру. Все это было дорогое оружие, украшенное драгоценными камнями, накладками из золота и серебра в виде звериных морд, священных символов и орнаментов.

— Выбирай, не смущайся, — предложил офицер. — А этот твой меч... Что же с ним делать? Думаю, ты не сможешь всучить его даже слепому. Но и бросать жалко. Оставь его мне. Я сохраню его в память о нашей встрече.

— Ты очень щедр, благородный Ульфиус, — усмехнулся варвар. — Но я не могу принять твой дар. Конечно, мой меч не стоит и десятой доли того, что можно выручить за твоё оружие. Но я к нему привык. А это все игрушки, которые таскают на поясе богатые бездельники, чтобы их не перепутали с женщинами.

Офицер чуть не изошел желчью. Вольно или невольно Конан угодил в больное место. Сколько Ульфиус помнил себя, он всегда боялся. Он окружал себя оружием, увещивал им стены роскошного дома в Ианте, играл с ним, лаская металл, как женскую кожу. Он не мог уснуть, если пальцы его не нащупывали рукоятку кинжала под подушкой. Ничто иное не будило в нем такого бешеного вожделения, потому что оружие дарило ему иллюзию силы. Но рядом с людьми, подобными Аrimium, эта иллюзия таяла, и Ульфиус

ненавидел их так же сильно, как и боялся.

Офицер закудахтал, изображая смех, и даже вытер воображаемые слезы:

— Ты прав, прав тысячу раз. Не все обладают таким львиным сердцем, какое бьется в твоей груди. Слабые люди должны искать себе опору в оружии или вине. А есть еще такое зелье... Его привозят из Кхитая и Вендии. Очень дорогое, но одна щепотка дарит блаженство, которого не из ведать даже с самой прекрасной женщиной. Черный лотос делает счастливым любого, труса превращает в храбреца, а смельчака уподобляет богам. Я иногда позволяю себе капельку. Не хочешь ли попробовать?

— Благодарю, но я бы лучше отдохнул. — Киммериец решительно поднялся. — Небезопасно, знаешь ли, тешить себя сладкими снами, когда кругом так много коварных людей.

Прежде чем уснуть, Конан долго ворочался. Неприхотливый варвар был приучен суровой жизнью мгновенно погружаться в сон, что бы ни служило ему ложем — охапка гнилой соломы или голая земля. Но сейчас его лишали сна тревожные мысли. Офицер хотел во что бы то ни стало заполучить меч. Зачем? Добавить еще одну игрушку к тем, что таскает с собой в сундуке? Что им движет — пустая прихоть праздного толстосума, который привык потакать своим капризам, или тайный умысел? Не знается ли высокородный с Темными Силами, которые открыли ему то, что Конан узнал благодаря вендицу? Если это так, Ульфиус не оставит попыток завладеть мечом. Странно, что он еще не приказал охранникам попросту отобрать клинок у оборванца. Наверное, побоялся открыться кому бы то ни было. В любом случае нужно быть осторожным...

Усталость взяла свое, и киммерийца сморил сон. И всю ночь ему снился тот, кто когда-то владел мечом. Теперь вместо рабского ошейника он носил ожерелье из золотых самородков. Он вел за собой воинов в далекие земли, чтобы предать огню и мечу города и селения. Он носился по полю битвы, как вихрь. И везде горы мертвых тел отмечали его путь, путь Смерти. Его клинок косил людей, как траву, и делал своего хозяина неуязвимым. Ни стрела, ни копье, ни меч не могли пробить невидимой оболочки, которая защищала черноволосого гиганта надежнее самых тяжелых доспехов. Вчерашний раб обрел великую славу, богатство и далеко простер пределы своих владений.

И когда юный варвар пробудился на рассвете, улыбка торжества играла на его губах. Теперь он твердо знал, что никогда не расстанется с мечом. Он тоже когда-то был рабом, испытал унижения и голод. Он знал, как это страшно — не иметь права распоряжаться своей судьбой. И теперь совсем не важно, кто — светлый Митра, суровый Кром, злобный Сет или мрачный Нергал — дал ему возможность вознести над простыми смертными. И все это благодаря мечу, с которым жадный мертвец так упорно не хотел расстаться.

* * *

Дни медленно тянулись один за другим. Караван шел по безлюдной местности, дикие звери здесь, похоже, не водились, и охрана изнывала от бездействия. Конан, никогда еще за свою короткую, но насыщенную бурными событиями жизнь не ведавший столь долгого покоя, казалось, наконец-то мог отдохнуть. Но ему приходилось все время держаться настороже. Он понимал, что Ульфиус не отстанет от него. Вельможа, привыкший потакать даже мелким своим прихотям, на сей раз, похоже, серьезно заинтересовался оружием

киммерийца. Юноша постоянно чувствовал, что толстяк неотрывно следит за каждым его шагом: всюду, куда бы варвар ни направлялся, он постоянно натыкался на Броко, который тут же делал вид, что спешит по каким-то своим делам.

Ко всему прочему отношения с воинами, охранявшими караван, не складывались. Независимый нрав варвара раздражал очень многих, а его неоспоримое воинское искусство, сила и смелость вызывали жгучую зависть. Он сам казался себе волком, попавшим в стаю шакалов, и понимал, что при первом удобном случае любой из наемников с удовольствием воткнет ему в спину кинжал. Единственным человеком, проявлявшим к нему хоть сдержанную, но все же симпатию, был Аримиум. Родившийся и выросший в благополучном и богатом Офире, бывалый воин никогда не знал и даже не мог себе представить в полной мере всех испытаний, о которых однажды скрупульно и неохотно рассказал ему киммериец. Юноша не сломался, сумел закалиться в огне кошмара, который ему пришлось пережить, и это вызывало у офицера невольное уважение к варвару. Сотник так и не обзавелся семьей и теперь, украдкой поглядывая на Конана, думал, что не отказался бы иметь такого сына, с которым хорошо драться рука об руку, которому можно во всем доверять. Однако сотник скорее согласился бы отрубить себе руку, чем дать волю чувствам, и киммериец мог только догадываться, что здесь есть другой.

Но если Ариниум тщательно скрывал свое расположение к Конану, то Ульфиус, наоборот, изо всех сил стремился показать, как любезен его сердцу юный варвар. Мысль о мече, излучающем столь сильную магическую энергию, не давала сановнику покоя, он плохо спал, почти потерял свой знаменитый аппетит, и даже тонкие вина не радовали его. Приятели Ульфиуса решили бы, что он тяжело болен. Да, у его болезни было вполне определенное название: зависть. Он мучился оттого, что вожделенная вещь находится не у него в руках, и лихорадочно пытался придумать, каким образом уговорить, обмануть или запугать киммерийца. Он строил хитрые, как ему казалось, планы, но тут же сам отказывался от них, присматривался к варвару, стараясь понять, есть ли у него слабости и можно ли их использовать, и даже подумывал, не заплатить ли кому-нибудь из охранников, чтобы тот втихомолку перерезал Конану горло и принес ему, Ульфиусу, меч. Но сановник не хотел раньше времени показывать свой интерес к оружию киммерийца. Наконец, измучившись до предела, Ульфиус придумал. Он согласился пожертвовать одной из своих диковин, чтобы сделать Конану предложение, против которого, как думал офицер, варвар не сможет устоять.

Закончился еще один долгий день. Вновь зажглись костры, и путники устроились возле них, чтобы отдохнуть и поужинать. Конан сидел в стороне от всех, мрачно пережевывая лепешку и задумчиво глядя вдаль. Ему страшно надоел этот бесконечный путь, хотелось поскорей увидеть Шадизар, погулять в таверне и наконец-то провести ночь не под открытым небом, а в мягкой постели, в объятиях жаркой и податливой девицы. Варвар представил, как его руки ласкают пышную упругую грудь, сжимают гибкую талию, пробегаются по нежному горячemu бедру. Он почувствовал такое острое желание, что глаза заволок туман, а голова закружилась. Чтобы отогнать навязчивое видение, Конан сильно тряхнул головой и яростно впился зубами в лепешку, стараясь думать о чем-нибудь Другом.

— Эй, варвар, тебя зовет господин.

Конан обернулся и увидел Броко.

— Зачем я ему нужен? — хмуро спросил киммериец.

— Я не задаю господину лишних вопросов. Он велел тебя позвать, а зачем — не мое

дело. Я не любопытен.

Броко, конечно же, кривил душой. Более любопытного человека найти было очень и очень трудно. Подсматривать и подслушивать — это он любил больше всего на свете и потому догадывался, что надо Ульфиусу от киммерийца, так как видел мучения своего господина и слышал, как тот, забывшись, говорил сам с собой. Правда, Броко далеко не все понял, но и этого было достаточно, чтобы дрожать от предвкушения великой тайны, которая могла открыться ему сегодня вечером.

— Поторопись, Ульфиус Кеда не любит ждать.

— Я еще не поужинал.

— В шатре хозяина приготовлено угощение для тебя. И хорошее вино. У господина не бывает плохого вина. Да и поесть он любит вкусно и сытно. Тебя ждет ужин, о каком ты и не мечтал, дикарь.

Как бы ни был неприятен Конану Ульфиус, провести вечер в его шатре, да еще и с хорошим угощением, было намного лучше, чем сидеть у костра и выслушивать тупые шутки этих шакалов, с каждым из которых киммериец с удовольствием поговорил бы один на один. Варвар стремительно поднялся на ноги.

— Идем.

Стражники, стоявшие возле входа в шатер, смерили Конана злобными взглядами, но молча расступились, пропуская его, так как слышали, что Ульфиус поручил Броко привести варвара. Юркий слуга попытался было тоже проскользнуть в шатер, но сановник резким окриком остановил его, приказав оставить их с гостем наедине. Броко вынужден был поклониться и, пятясь, покинуть шатер. Постояв чуть-чуть возле входа, он вдруг хитро улыбнулся, кивнул, как бы отвечая на свои мысли, и быстро-быстро мелкими шажками потрусил к противоположной от входа стороне. Там он выбрал только ему известное место, где в тяжелой ткани шатра была проделана крохотная дырочка, и, приникнув к ней, весь обратился в слух.

Ульфиус с кряхтением поднял свое грузное тело с подушек и, сладчайше улыбаясь, шагнул навстречу гостю.

— Рад тебя видеть. Мне стало скучно и вновь захотелось поговорить с человеком, который видел так много интересного. Присаживайся, угощайся. Вот вино. Этот божественный напиток располагает к долгой теплой беседе.

Конан хмуро посмотрел на приветливого хозяина, но чарующий запах, исходивший от умело приготовленных блюд, и аромат золотистого тонкого вина изменили его настроение, и он, устроившись поудобнее на мягком ковре и положив под локоть вышитую бархатную подушку, взял предложенный кубок, понюхал вино и сделал большой глоток. От нежнейшего напитка по телу растеклось приятное тепло.

— Помнишь, я говорил тебе, что собираю редкости? — начал разговор Ульфиус. — Хочешь посмотреть некоторые безделушки? Их я вожу с собой — иногда они помогают скрасить скучку и однообразие долгого пути.

Конан кивнул и сделал еще глоток. Его мало интересовали пристрастия толстяка, но он подумал, что отказываться невежливо, а раз уж он принял приглашение офицера, то обижать хозяина не следует. И хоть варвар не любил болтунов, он все же понимал, что иногда чрезмерно словоохотливый собеседник может оказаться полезным. Как знать, не проговорится ли Ульфиус, зачем ему так нужен внешне ничем не примечательный клинок. А вдруг это вовсе не прихоть? Демоны коварны, они могут действовать руками и самого

ничтожнейшего из людей. Может, не стоит вообще иметь никаких дел с этим вельможей? Впрочем, время покажет. Киммериец не сомневался ни на йоту, что в любом случае сумеет постоять за себя.

Пока он размышлял, Ульфиус успел открыть один из сундуков и извлечь из него прекрасный золотой светильник тонкой работы. Конан вежливости ради изобразил заинтересованность. Сановник пояснил:

— Это не простой светильник. Любой человек, которому приходится много путешествовать, согласился бы заплатить за него большие деньги. Дело в том, что тот, кто им владеет, никогда не сбьется с пути и никогда не замерзнет, даже если ему придется ночевать в снегу.

— Интересная вещица, — согласился варвар. — Но если человек не может найти дорогу и боится замерзнуть, словно избалованная женщина, ему лучше вообще оставаться дома, больные пути не для таких.

Ульфиус ничего не ответил, убрал светильник на место и достал из сундука красивую серебряную чашу.

— Посмотри, — обратился он к гостю, — если знать одно-единственное, очень коротенько, заклинание, такое простое, что его легко запомнит даже ребенок, эта чаша мгновенно наполнится вином или соком. Причем тем вином, какое ты пожелаешь, или соком тех фруктов, которых ты даже никогда не видел.

Конан усмехнулся:

— Вино — плохой спутник. Тому, кто отваживается в одиночку отправиться в путь, надо иметь ясную голову и зоркие глаза. Никогда не знаешь, что тебя ждет впереди.

Офицец досадливо поморщился, но и на сей раз промолчал, аккуратно положил чашу в сундук и извлек оттуда хрустальный сосуд.

— Этот сосуд никогда не бывает пустым. В нем всегда есть чистая родниковая вода, свежая и прохладная, стоит лишь правильно попросить.

Конан вспомнил те кошмарные дни, когда чуть не погиб от жажды, и сказал:

— Пожалуй, это наиболее полезная вещь. Но таскать с собой хрусталь... Он ведь может и разбиться. Да и идти налегке проще.

— Это еще не все. Смотри. — С этими словами Ульфиус протянул варвару рог, выполненный из слоновой кости, покрытый тонкой и изящной резьбой. — Хозяин этого рога никогда не будет голодным. Произнеси пару магических фраз — и у тебя всегда будет еда. Любая, какую только сможешь представить.

— Забавная штучка, — кивнул дерзкий юнец. — Если ты не можешь сам раздобыть еду, можно валяться на подушках и обжираться до обморока. К тому же это все колдовские игрушки, а я всегда предпочитал меч заклинаниям.

— Тебе приходилось сталкиваться с магией? — поинтересовался Ульфиус, и по его лицу, как он ни старался это скрыть, пробежала тень беспокойства: а вдруг молодой дикарь знает, что владеет непростым оружием?

— Приходилось. И не раз.

— Ты не хотел бы рассказать мне об этом? — Офицец даже задрожал от нетерпения.

Конан задумался. Он вспомнил мрачные пещеры, в которых обитали колдун Катамай Рей и ведьма Чунта, и перед его глазами неожиданно встала прелестная Элаши, так щедро дарившая ему любовь. Он даже тряхнул головой. Определенно, сегодня все женщины мира словно сговорились дразнить его. Что за наваждение! Ульфиус заметил, как переменилось

настроение гостя:

— Тебе неприятно об этом вспоминать?

— Да нет, — досадливо поморщившись, ответил киммериец. — Так, вспомнилась одна женщина...

— Женщина? — оживился офицец. — О! Я знал многих прелестниц...

Хитрый сановник мгновенно понял, что может предложить варвару в обмен на меч. У него была одна вещь, которой он не очень дорожил, считая ее пустячком, безделицей. Собирая предметы, обладающие магической энергией, Ульфиус надеялся наткнуться на что-нибудь, что может дать ему власть, или силу, или секрет вечной жизни. А эта безделушка скорее могла развлечь, подарить мимолетную радость, даже блаженство, но все это можно приобрести, не прибегая к магии. Его денег хватило бы на развлечения сотен и сотен человек. Он едва удержался, чтобы не потереть руки от удовольствия. Конан удивленно посмотрел на него, но промолчал.

— Я тебе сейчас покажу кое-что, — еле сдерживая душившую его радость, сказал Ульфиус. — Я собираю эти интересные игрушки давно и незадолго до отъезда из Офира приобрел одну вещицу. Ни один мужчина, в котором течет горячая кровь, не отказался бы от нее. Сейчас ты поймешь почему.

С этими словами он взял небольшую шкатулку и достал из нее фигурку какого-то уродливого существа явно мужского пола, единственную одежду которого составляло тончайшее ожерелье из крохотных разноцветных камушков. Ульфиус сложил ладони лодочкой, так чтобы фигурка поместилась на ее дне, быстро-быстро что-то прошептал и поставил фигурку на ковер. Мгновение спустя фигурка вздрогнула и начала расти, пока не достигла размеров десятилетнего ребенка. Затем существо поклонилось Ульфиусу и гулким басом спросило:

— Чего желает мой господин?

— Дай мне ожерелье, — приказал офицец.

С глубоким поклоном существо протянуло ему яркое разноцветное ожерелье, сделало шаг в сторону, уселось на ковер, поджав ноги, и застыло, словно жизнь снова покинула его. Ульфиус показал Конану ожерелье. Тот равнодушно пожал плечами: драгоценные камни мало интересовали его, ибо он плохо в них разбирался. Офицец расстегнул замысловатую резную застежку и снял с нитки ярко-красный рубин. Положив его на ковер, толстяк нагнулся и снова шепотом произнес еще одно заклинание. Внутри камня загорелся алый огонек, он становился все ярче и ярче, затем рубин завертелся, словно его подхватил смерч, и вспыхнул ярким пламенем. Когда пламя стихло, на месте драгоценного камня стояла девушка с ослепительно рыжими волосами и нежной розовой кожей. Формы ее были совершенны, нагота вызывала восторг. Откуда-то полилась мелодия, и девушка закружилась в быстром танце. Варвар не отрываясь смотрел на красавицу, что казалась ему пределом мечтаний, сокровищем, за которое можно отдать жизнь.

Мелодия оборвалась так же неожиданно, как и началась, и девушка застыла в глубоком поклоне. Но это длилось недолго. По обворожительному телу пробежала дрожь, пламя охватило хрупкую фигурку, и через мгновение там, где только что стояла прелестная танцовщица, лежал ярко-красный рубин.

— Это женщина Огня, — пояснил Ульфиус ошеломленному Конану. — Она принадлежит тому, кто держит в руках ожерелье. В ее жилах течет не кровь, а пламенная страсть. Познавший ее любовь может смело утверждать, что ему ведомо высшее блаженство.

Ульфиус снял с нитки темно-синий сапфир. Снова прозвучало заклинание, и теперь в синем камне вспыхнул яркий огонек. Камень начал быстро увеличиваться, его идеально отшлифованные грани покрылись замысловатым узором, затем узор распался, и из камня шагнула женщина с ярко-синими глазами и волосами цвета утреннего тумана. Опять полилась мелодия, но на сей раз совершенно иная. Движения женщины были резкими, решительными, они манили и зачаровывали своей силой. Казалось, танцовщицей управляет сама стихия. Изящные руки трепетали в воздухе, словно крылья, маленькие ножки едва касались ковра, красавица парила подобно птице. На середине танца мелодия неожиданно оборвалась, и скоро на пушистом ковре поблескивал мелкими гранями холодный синий сапфир.

— Это женщина Воздуха, — сказал Ульфиус. — Она тоже рабыня ожерелья. Только ей ведомы нежнейшие убаюкивающие ласки, каких не испытывал ни один смертный. Она может пробудить мужскую силу даже в том, кто уже давно забыл, что такое любовные утехи.

Конан молча смотрел. Казалось, у него язык прилип к гортани. Его изумлению не было предела, а желание, овладевшее им, когда он сидел у костра, теперь жгло так сильно, что киммериец уже не мог думать ни о чем другом. Офирец истолковал молчание гостя по-своему и снял с нити ожерелья следующий камень. Это был прозрачный аквамарин. Очередное заклинание вызвало к жизни очаровательную девушку с ослепительно белой кожей и зелеными волосами. В звуках музыки, под которую она исполняла плавный медленный танец, слышалось журчание ручья, а сама танцовщица представлялась зачарованному зрителю глотком живительной влаги. Замерев одновременно с последней нотой, девушка отвесила глубокий поклон и вновь обернулась голубым камнем.

— Это женщина Воды. Тот, кто познал ее любовь, никогда не будет утомленным и измученным, ибо она, отдавая себя, отдает и свои силы, при этом не теряя их.

У Конана перехватило дыхание. Ноздри его трепетали, острое желание волнами прокатывалось по телу, бросая то в жар, то в холод. Варвар никогда еще не видел столь прекрасных женщин, за возможность обладать ими он готов был заплатить любую цену. Ульфиус наконец-то правильно понял напряженное молчание гостя и, возликовав в душе, сдернул с нитки следующий камень. Черный алмаз поражал великолепием. Офирец дрожавшим от волнения голосом произносил совершенно непонятные киммерийцу слова, и алмаз постепенно окутывался туманом, сначала легким, белесым, затем все более и более густым. Потом туман исчез, сразу, словно его вовсе и не было, и Конан увидел женщину, каких ему еще никогда не приходилось встречать: высокую, кругобедрую, с упругой пышной грудью и очень тонкой талией. Но не это поразило варвара. Кожа красавицы была темно-коричневой, блестела, словно смазанная маслом, и вместе с тем казалась бархатной. Танца, который она исполняла, Конан не видел и пришел в себя, только услышав визгливый фальцет гостеприимного хозяина:

— Это женщина Земли. Она тоже рабыня ожерелья. Но она отличается от тех, кого ты уже видел, ибо никому не дарит свою любовь. Ее ласки надо заслужить. Она будет преданной лишь настоящему герою, храброму, честному, решительному.

Варвар шумно сглотнул и попытался заговорить, но из его горла вырвался только сдавленный хрип. Прокашлявшись, киммериец все же сумел выдавить из себя:

— Чего ты хочешь за них?

— Погоди, — усмехнулся Ульфиус, стараясь продлить удовольствие от победы. — В ожерелье есть еще камни. Не хочешь ли взглянуть на них?

— Я достаточно насмотрелся на всякие чудеса. Больше мне ничего не надо. Так чего же ты хочешь?

— Могу предложить обмен.

— У меня ничего нет.

— Есть, есть. Я отдаю тебе ожерелье и обучу заклинаниям, вызывающим этих красоток, а ты дашь мне меч. Тебе легко будет добыть другое оружие.

Конан был согласен на все. Юноша потянулся за мечом, но едва рука коснулась рукояти, как голова прояснилась, терзавшее его желание исчезло, и он понял, что не сможет даже достать оружие из ножен. Никогда и ни за какие сокровища он не расстанется с ним. Это было выше его сил.

— Нет, — покачал он головой.

Офицер, который уже мысленно держал меч в своих руках, рассвирепел:

— Ты упрямый выродок, сын шакала и змеи! Убирайся! Ты еще заплатишь за свое тупое упрямство!

Конан резко поднялся на ноги, швырнул кубок с вином под ноги Ульфиуса и молча покинул шатер.

Полог еще трепыхался, когда цепкая рука отодвинула его и внутрь заглянула острыя плутоватая мордочка. Брохо подобострастно улыбнулся.

— Да простит меня мой господин...

Ульфиус злобно посмотрел на слугу:

— Что тебе надо?

— Позволь мне войти.

— Заходи.

— Да простит меня мой господин еще раз, но я совершенно случайно слышал обрывки вашего разговора. Господину нужен меч? Я знаю, как можно наказать нахала и завладеть его оружием. Не соизволит ли господин выслушать неразумного раба?

* * *

Несмотря на досаду и раздражение, вызванные разговором с назойливым офицером, Конан заснул мгновенно, и лишь стоило ему сомкнуть веки, как новое видение посетило его. Варвару снова пригрезились черный лес, поляна и капище. В окружении высоких серых камней стоял хозяин меча, а возле жертвенника кружилась в дикой пляске старая ведьма. На каменной плите был распростерт юноша, черноволосый и смуглый. Его тело покрывали кровавые знаки. И снова голубые искры побежали по серым камням, чтобы слиться в мерцающие шары и дать начало колдовскому вихрю. Голубой смерч возник над жертвенником и вдруг понесся прямо к великому воителю. Меч сам собой выскоцил из ножен, увлекаемый магической спиралью, и та вознесла его высоко над капищем, а потом метнула вниз. Оцепенев от ужаса, владыка следил за стремительным падением жала Смерти. Он рванулся к плите, но было поздно: сталь уже впилась в тело юноши, поразив его прямо в сердце. Могучие руки выдернули клинок из мертвотой груди, безумные глаза обежали каменный круг. Владыка искал ведьму, чтобы излить на нее бешеный гнев. И глазам его предстал облаченный в рубище скелет, который приплясывал возле жертвенника. Могучая рука описала полукруг и снесла череп. Она взлетала и опускалась, пока землю возле

жертвеннника не усеяло костяное крошево-Вереница людей тянулась через лес, направляясь к пещере, чей черный зев зиял в склоне холма. Люди ныряли в темную пасть, оставляя в ней тяжелые сундуки, резные кресла из темного дерева и прочий скарб. Затем в пещеру вкатили боевую колесницу. Когда последний человек вышел из-под мрачных сводов, владыка, до сих пор восседавший на коне, спешился и приблизился к сопровождавшим. Люди падали перед ним на колени и целовали руку господина. Лицо его оставалось бесстрастным, уста хранили молчание. Приняв последнюю дань поклонения, он повернулся к своим подданным спиной и навсегда исчез во мраке. Человеческий муравейник снова пришел в движение. Люди катили ко входу в пещеру огромные каменные глыбы, и вскоре черное отверстие скрылось за нагромождением серых валунов...

От едва уловимого шороха Конан мгновенно проснулся. Солнце уже поднималось над горизонтом, и в сером свете занимавшегося утра киммериец увидел скорчившуюся возле его дорожного мешка фигуру. Молниеносным движением он выкинул руку, схватил непрошеного гостя за шею и сильным рывком повернул голову к себе, едва не сломав бедняге хребет. Крысиная мордочка Броко побагровела, но тут же кровь отлила от впалых щек, и они стали мертвенно бледными.

— Не убивай меня, — залепетал несчастный. — Я все объясню.

Не ослабляя железной хватки, варвар тряхнул тщедушное тельце.

— Только не выкручивайся и не ври. Первое же лживое слово станет для тебя последним.

— Господин послал меня. Твой меч не дает ему покоя.

— И ты, дохлая крыса, хотел его украсть?

Конан едва сдержался, чтобы не расхохотаться. Достойного противника он вызвал бы на поединок, а марать руки об это жалкое подобие человека воину не пристало. Киммериец встал, поднял насмерть перепуганного Броко за шиворот, развернул его и с явным удовольствием дал ему хорошего пинка под зад. Взвизгнув, тот отлетел довольно далеко, шлепнулся на землю и на четвереньках быстро-быстро пополз к шатру своего господина. Киммериец посмотрел ему вслед, усмехнулся и снова улегся, собираясь досмотреть удивительный сон, прерванный столь неожиданно. Все произошло так быстро и так тихо, что никто вокруг ничего не услышал. Все продолжали спать.

Когда Конан снова проснулся, уже стояло спокойное солнечное утро. Он сладко потянулся и, вспомнив события минувшей ночи, задумался. Если офирец решил пойти на откровенное воровство, то он точно не отступится. Покидать караван варвару не хотелось, тем более что путь проделан был уже немалый и до Шадизара оставалось всего несколько дней перехода. Много рассуждать Конан не привык и, так и не прия ни к какому решению, отправился завтракать. Не успел он сделать и нескольких шагов, как полог шатра Ульфиуса откинулся, оттуда выскоцил раскрасневшийся толстяк и завопил во всю мощь своих легких:

— Вор! Негодяй! Я принял его как лучшего гостя, кормил и поил, а он обворовал меня, грязный шакал!

Конан огляделся по сторонам, пытаясь понять, на кого обрушился гнев сановника, и искренне изумился, когда увидел, что толстый палец с огромным золотым перстнем-печаткой показывает прямо на него. Варвар не считал предосудительными ни воровство, ни убийство, ни грабеж, но клеветников ненавидел всей душой. Считая оправдания ниже своего достоинства, он решительно повернулся к своему дорожному мешку, схватил его и резким движением вывернул наизнанку. Из пустого еще вчера мешка с гулким стуком вывалилась

серебряная чаша, которую Ульфиус показывал ему накануне. Конан мгновенно понял, что делал Броко ночью возле его вещей. В глазах у киммерийца потемнело.

Офирец подбежал к находке, высоко поднял ее над головой и заверещал:

— Все видели? Все? Гнусный вор! Так ты отплатил мне за госте...

Но он не успел договорить фразу до конца. Меч варвара, словно сам по себе вылетевший из ножен, снес Ульфиусу голову. Кровь брызнула из огромной раны и окатила Конана с головы до ног. Бешеная ярость всколыхнулась в душе варвара, а по его оружию побежали голубые блики. Колдовской меч, откликнувшись на зов души хозяина-побратима, проснулся и возжал крови.

Первый же бросившийся к киммерийцу воин не успел даже нанести удар и упал к ногам варвара с разрубленным черепом. Вперед выступил Секама, давно таивший злобу на Конана, но едва он поднял оружие, как сталь вспорола ему живот, и из открывшейся раны вывалились дымящиеся внутренности...

Конан стоял, как скала, и лишь блеск металла показывал, что он вооружен, настолько быстро работал он мечом. С диким яростным воплем к нему подскочил следующий смельчак, но крик его тут же оборвался: из головы, разрубленной пополам, брызнули мозги. Глаза варвара застилал гнев, он видел все как в тумане, и лишь рубил, колол, не отдавая себе отчета в том, что делает.

Вот он отбил чью-то занесенную над его головой саблю, вот чья-то рука, все еще сжимавшая рукоять, взвилась в воздух и, описав дугу, шлепнулась кому-то прямо в лицо, вот его меч мягко вошел в чью-то грудь, еще в одну, еще... Он кромсал плоть, как мясник. Руки, ноги, головы, — вокруг Конана, быстро увеличиваясь, росла страшная кровавая груда.

Кто-то бросил в киммерийца остро отточенный боевой топор, но меч варвара, сверкнув в воздухе, легко отбил удар, и топор вонзился в шею одного из воинов. Словно заколдованный, стоял Конан среди нападавших. Никакое оружие не причиняло ему вреда, ни одной раны не получил он, хотя число поверженных противников росло с каждым мгновением. Ноздри Конана трепетали. Запах крови будоражил его, ему хотелось убивать, уничтожать все живое.

Прямо перед ним возник Аrimium. Выхватив из ножен свой меч, офирец бросился на варвара. Их клинки скрестились, высекая искры, и замелькали над головами так быстро, что даже очень зоркие глаза не могли бы их различить. Аrimium продержался дольше остальных, но вот и он упал, а из раны на боку, где меч киммерийца пробил тонкие позолоченные доспехи, густым потоком полилась кровь. Однако сильный офирец еще был жив. Он приподнял голову и протянул к Конану руку, словно что-то хотел сказать, но молниеносный удар колдовского меча не дал ему этого сделать.

Дикая, яростная, неудержимая бойня продолжалась. Вскоре все воины, сопровождавшие караван, были мертвы. Купцы и погонщики, слегка опомнившись от первого ужаса, пытались сопротивляться, отстаивая свое право на жизнь, но никто из них не мог совладать с Конаном, который подобно неуязвимому призраку сеял смерть... Люди метались из стороны в сторону, крича от безумного страха, сталкивались, падали, вставали, хватали друг друга за руки. Среди всего этого хаоса, как демон Смерти, носился киммериец, не ведающий жалости. Никому не удалось избежать страшной участи.

Лошади и верблюды, напуганные криками, запахом и видом крови, тоже метались в беспорядке, давя в суматохе тех, кто еще дышал. Страшный меч не пощадил никого, и лишь когда на месте стоянки каравана не осталось ни одной живой души, насытившийся кровью

клиник плавно скользнул в ножны. И тут Конан словно проснулся. Он вытащил из ножен меч и изумился, увидев, что на нем нет ни следов крови, ни зазубрин, какие обычно остаются после ударов по металлическим доспехам.

— Вот это оружие! — воскликнул варвар. — С ним я могу один выходить против целого войска! Я теперь непобедим!

Среди кровавого месива валялись огромные золотые слитки, выпавшие из тюков. Конан подошел к одному из них, попробовал приподнять, но, словно спохватившись, бросил. «Зачем мне лишняя тяжесть? — подумал он. — Обойдусь и без них». Он с трудом отыскал свой дорожный мешок и начал собираться в дорогу. Переложив в мешок несколько кусков сыра, копченого мяса, горсть сухарей, Конан наполнил бутыль водой, тщательно ее закупорил и, туго затянув завязки, вскинул поклажу на плечо. Прежде чем уйти, он еще раз окинул взглядом поле битвы. Из всех погибших ему было не жаль никого — они сполна заплатили за оскорблении, которые он и так слишком долго терпел.

Неожиданно Конан почувствовал, что кто-то стоит за его спиной, обернулся и увидел вендица. Стариk застыл, протянув к нему руку, но не решался подойти ближе.

— Я чувствовал, что нельзя оставлять тебя один на один с этим... Я боялся и все-таки надеялся... — проговорил Чиндара глухим голосом. — Зачем, зачем я ушел и оставил тебя...

Киммериец не отвечал, уставясь равнодушным взглядом в лицо старика.

— Вскоре после того, как мы расстались, я понял, что тебе угрожает беда. Какие-то темные силы раскидывали сети вокруг тебя и этого проклятого меча...

— Ты не ошибся, стариk. Один офирец — его труп валяется среди этой падали — хотел выманить у меня меч. Он был колдуном, но не очень искусным. И его голова распрошлась с телом.

— И не только его, как я вижу...

— А, эти... — Варвар обвел взглядом мертвые тела. — Если мужчина не умеет защитить свою жизнь — он ее не заслуживает.

— Этот офирец... Не подвергал ли он тебя какому-нибудь обряду?

— Обряду? Нет. Пытался напоить, сулил деньги, подсовывал разные вещицы.

— Ты прикасался к ним?

— Нет, только смотрел. Он показал мне забавное ожерелье. Самоцветы превращались в красавиц. Они пытались соблазнить меня. Я чуть не поддался. Как глупо. Слишком давно был с женщиной. Но ничего... Скоро у меня будет много женщин. И много золота. Целые горы...

— А еще что-нибудь приключилось с тобой с тех пор, как наши пути разошлись? До того, как ты встретил караван?

— Да ничего... Хотя нет, меня ужалила змея. Я убил ее.

— И как же ты остался жив?

— Я вырезал то место, куда впились зубы, клином. Мазь, которую ты дал мне, сделала остальное.

— Да, да, конечно... Мечом...

— Что ты там бормочешь?

— Ты породнился с ним, бедный мой мальчик. Ты породнился со Спящим Злом.

Конан расхохотался:

— Со Злом? Я породнился со Славой. Я породнился с Величием и Могуществом! Перед тобой стоит не тот безмозглый юнец, которого ты лечил и наставлял. Ты был прав, стариk. Я

рожден не для жалкого жребия вора. Меня ждет высокая участь. Тебе повезло, старики. Ты оказал услугу человеку, перед которым будет лежать в пыли весь мир...

— О чём ты говоришь? Ты бредишь? — испугался вендиец.

— Брежу? Нет, никогда еще мой рассудок не был так ясен. Мрак рассеялся, и теперь я вижу цель. Я пойду в Гирканию. Я подчиню себе племена, которые кочуют в степи. Соберу огромное войско и двину его на Туран. Но это будет только начало, только начало, старики. Ты пойдешь со мной. Будешь моим советником. А если захочешь, я посажу тебя на вендийский престол. Ты ведь пойдешь со мной?

— Да, да, конечно. Я больше не оставлю тебя, сын мой... Я позабочусь о тебе...

— Жаль, что это золото замарано кровью. Я не хочу брать его. Но у нас будет еще больше золота.

— Да, да, много больше... Но сейчас тебе надо отдохнуть. Ты устал, очень устал... Глаза твои слипаются...

Что-то в голосе Чиндары насторожило Конана. Он попытался посмотреть вендицу в глаза, но тот отвел взгляд.

— Почему ты не смотришь прямо в лицо, старики? Ты лукавишь, я вижу. Меня не проведешь. Ты решил сыграть со мной ту же шутку, что и с той ящерицей? Да? Ты задумал наслать на меня сон и украсть меч! Ты хитер, старики. Все люди одинаковы, даже те, что твердят о Добре. И ты не лучше других. Но тебе не провести меня... Не помешать... Потому что мы сейчас расстанемся. Я пойду на восток, а ты... Ты, старики, отправишься на Серые Равнины.

И не успели отзнучать эти слова, как холодное лезвие снесло голову Чиндары. Однако вендиец, по-видимому, успел завершить начатое. Руки варвара безвольно обвисли, голова упала на грудь. Он рухнул на колени, а потом ткнулся лицом в землю.

Красное Око Митры равнодушно взирало на мертвые тела людей и животных. Хищные птицы парили над местом их последнего успокоения, клекотом созывая сородичей на пир...

Раскаленный диск уже почти коснулся горизонта, когда киммериец поднял голову и обвела мутным взглядом то, что окружало его. Рядом лежала голова. Кроткие карие глаза смотрели прямо в лицо Конану. Чиндана... Как он тут очутился? Что произошло?

Варвар сел и покачал головой. Что же случилось? Этот толстый пес обвинил его в воровстве, он вывернул мешок, чтобы убедить всех в своей невиновности. Но оттуда выпала чаша. Видимо, Броко, мерзкий хорек, провел его и подсунул чашу. А он-то решил, что тот намеревается украсть клинок. Как бы то ни было, колдун поплатился головой. А дальше... Что же было дальше? Кто перебил всех этих людей? У кого поднялась рука на старого безбидного мудреца?

Конан встал и пошел, пошатываясь и волоча за собой меч, который не выпускал из руки даже во сне. Кром, ну и бойня... Может, эти люди взбесились и перерезали друг друга? Но ведь кто-то должен был уцелеть... Варвар спугнул стервятника, клевавшего глаз мертвеца. АРИМИУМ... И его тоже... Умер, сражаясь... Славная гибель.

Киммериец обошел всю стоянку, но не отыскал никого, в ком бы еще теплилась жизнь. Даже верблюды и те мертвы. Кто-то разошелся не на шутку. Но кто же запятнал свои руки кровью беспомощных стариков и бессловесных тварей? Он не мог уйти, не оставив следов. Но следов нет. Значит... Значит, этот человек... Этот человек — он сам. Он убил всех этих людей, справился с АРИМИУМом, обезглавил вендица...

Уже трижды солнце садилось и вставало, а варвар шагал и шагал, сам не зная куда. Он задержался на стоянке только для того, чтобы предать земле тела Чиндары и Аrimиума. До остальных ему не было дела. Он ничего не взял с собой, кроме своего собранного дорожного мешка. Не тронул даже тех сокровищ, что лежали в сундуке Ульфиуса.

Неясные обрывки мыслей проносились в голове Конана. «Меч... Спящее Зло... Золото... У нас будет много золота... Много золота... Ты пойдешь со мной... Зачем ты пришел, старик?... Беги!.. Спасайся!.. Он убьет тебя... Этот дракон сожрет тебя... Дракон... Или волк... Беги!.. Я задержу его... Спящее Зло проснулось... Скорее же!.. Ты еще успеешь... А мне нужно спешить... Меня ждет войско... Утром мы выступаем в поход... Весь мир... Весь мир будет лежать в пыли у наших ног... Но сейчас тебе надо отдохнуть... Ты устал, очень устал... Глаза твои слипаются...»

Конан растянулся на земле прямо там, где эти мысли настигли его. Глаза его и в самом деле слипались. Кто-то склонился над ним и прохладной рукой отвел мокрые от пота пряди волос со лба.

— Старик, ты жив? Как хорошо... А я-то думал, что убил тебя.

— Т-ш-ш... Успокойся... Я пришел потому, что не успел сказать тебе кое-что... Но ты устал и хочешь пить. Сейчас, сынок, потерпи.

Мягкая рука приподняла налитую свинцовой тяжестью голову, чаша с водой оказалась у пересохших губ.

— Вот так, хорошо. А теперь мы поговорим. Не поднимайся, тебе нужен отдых.

— Старик, послушай... Я не хотел... Я не виноват...

— Знаю, знаю. Успокойся. Я должен был предвидеть. Но теперь это уже не важно. Только одно важно — меч. Он подчинил тебя. Это началось, когда тебя укусила змея и ты дал ему отведать твоей плоти, как тот, другой, сам принес свое тело в жертву демону. Он снова почувствовал вкус крови и захотел еще. Но до поры до времени ты был в безопасности. Пока ты владел собой, Зло не смело поднять голову, оно выжидало. Только гнев, слепая, безумная ярость могла освободить его. Так случилось и с тем, у кого ты отобрал меч. Он был зачат в ненависти и вскормлен ею. Волчья кровь, которая текла в его жилах, требовала отмщения. И он отдал себя Злу. Зло вознесло его — сначала к вершинам деревьев, потом к вершинам Могущества. А за это забрало самое дорогое — единственного сына и наследника, единственное существо, которое он любил. Ты должен избавиться от меча.

— Хорошо. Но как? Похоронить в земле?

— Нет. Ты отдашь его тому, кто назовет мое имя. — Старик посмотрел на него пристально и, как почудилось Конану, даже ласково, и предложил:

— Давай поговорим, пока мы не расстались, я могу еще кое о чем тебе поведать.

Они разожгли костер, и под легкое потрескивание горящего дерева и шуршание осыпающихся угольков старик рассказал киммерийцу множество чарующих и загадочных историй из жизни людей и вещей, и варвар понял: в мире есть еще много такого, о чем он и не знал прежде.

Особенно запомнился варвару удивительный рассказ о Синем Сапфире, таинственном камне, который возникал и опускался на дно реки времени в течение долгих веков, словно обломок погибшего корабля в пене морской волны.

Конан и не заметил, как прошла ночь. Только угольки угасающего костра в неярком предутреннем свете напомнили о наступающем новом дне.

— А теперь мне пора... — с легкой печалью в голосе поднялся старик. — Прошай...

— Постой, куда же ты? Я еще не успел спросить тебя...

Но вендиец исчез так же внезапно, как и появился. Его образ растаял, рассеялся. А вместе с ним рассеялось и наваждение, терзавшее Конана, словно его исцелил глоток прозрачной влаги. Тьма еще не отступила, но рассвет уже брезжил впереди.

